БРАТСКИЙ ВЕСТНИК

4

ИЗДАНИЕ
ВСЕСОЮЗНОГО СОВЕТА
ЕВАНГЕЛЬСКИХ ХРИСТИАН-БАПТИСТОВ
МОСКВА — 1960

МИР

Как много говорит нашим сердцам это маленькое слово «мир».

Мир — это тихое семейное счастье, это муж и жена, любящие друг друга, это радость родительских сердец...

Мир — это земледелец, под щебетание птиц пашущий поле для посева и богатой жатвы...

Мир — это мерное движение механизмов, производящих предметы широкого потребления...

Мир — это лаборатории, где производятся опыты, двигающие вперед науку...

Мир — это тихие кабинеты ученых, в которых происходит глубокое проникновение в тайны природы и космоса и в архивы многовековой истории человечества...

Мир — это мольберты с полотнами, на которые кисти художников наносят штрих за штрихом, пока не получатся чудесные творения искусства...

Мир — это симфония звуков, исходящих от роялей и виолончелей, от скрипок и арф, это чарующее пение певцов и певиц, услаждающих наш человеческий слух...

Мир — это наши соборы, храмы и дома молитвы, наполненные молящимися душами, слушающими с глубоким вниманием проповеди Евангелия и пение церковных хоров и славящими великое имя Бога нашего.

Но все это прекрасное и величественное, сокрытое в этом небольшом слове «мир», находится, увы, под угрозой того, что выражается тоже небольшим, но полным ужаса словом — война.

Слово «война» звучит теперь не так, как оно звучало до дня Хиросимы; но и до дня Хиросимы оно было грозным словом, полным неописуемого трагизма.

Ослепительный свет от взрыва атомной бомбы в Хиросиме, унесшей в один момент 240 тысяч человек в могилу, осветил ужас войны в атомном веке и поставил перед всем человечеством священную обязанность — не допустить повторения Хиросимы. Атомная война не будет знать, как прошлые войны, фронта и тыла, — весь земной шар будет единым сплошным фронтом.

Во всех прошлых войнах были победители и побежденные, но в атомной войне не будет ни тех, ни других.

Надо помнить, что, кроме ядерного оружия, есть еще и другие виды оружия массового уничтожения, которые также неизменно растут в количестве и совершенствуются в убийственной силе. Есть, например, газ «табун», трех капель которого в нос, горло или на кожу достаточно, чтобы человек сошел с ума, а потом умер. После 1945 года эффективность его возросла в десять раз.

Не менее ужасны биологические средства. За шесть часов можно убить этими средствами миллионы людей.

После всего вышесказанного, без всякого преувеличения, об ужасах войны в нашем атомном веке каждому становится ясной грандиозная задача, стоящая перед всем миролюбивым человечеством, в том числе и перед всеми христианами мира: не допустить ужасов атомной войны!

Все люди на земле, не желающие войны, должны принимать то или другое участие в достижении этой задачи, и в первую очередь христиане, как ученики Того, Кто дал Своим последователям драгоценное слово «мир» для приветствия: «В какой дом войдете, сперва говорите: *мир* дому сему!» (Ев. Луки 10, 5). Так ценит мир наш Учитель Христос. Так должны ценить мир и все ученики Его.

Если мировое христианство вместе со всем миролюбивым человечеством единодушно и активно поддержит великую декларацию Советского правительства о всеобщем и полном разоружении при эффективном контроле, то мир будет обеспечен на нашей земной планете и ужасы атомной войны перестанут висеть над человечеством.

ПОЕЗДКА В ГЕРМАНСКУЮ ДЕМОКРАТИЧЕСКУЮ РЕСПУБЛИКУ НА КОНФЕРЕНЦИЮ В ЗАЩИТУ МИРА В ДРЕЗДЕНЕ

6 мая, по приглашению Немецкого Совета мира, из Москвы в Берлин отправилась делегация религиозных деятелей в составе трех членов: *А. И. Мицкевича* — заместителя генерального секретаря ВСЕХБ, *Г. Г. Турса* — епископа Лютеранской церкви Латвии и *Е. С. Харка* — пастора лютеранской церкви Эстонии.

В 15 часов по московскому времени мы поднялись в воздух на самолете ИЛ-18 на высоту 7 тысяч метров и летели со скоростью 650 км. в час. Сверху, над нами, сияло яркое солнце, а смотря вниз, нам казалось, что мы пробирались через громадные сугробы белоснежных гор — облаков.

Ровно через три часа самолет стал спускаться на Берлинский аэродром. Мы прибыли в Берлин в знаменательные дни празднования пятнадцатилетней годовщины победы над фашизмом.

Мы были радушно встречены членами Немецкого Совета мира и экзархом православной церкви Германии, епископом Иоанном.

7 мая, после оформления наших документов в советском посольстве, нам был устроен теплый прием епископом Иоанном в его резиденции. Епископ выразил искреннюю радость встретиться в Берлине со своими соотечественниками.

Вечером мы были приглашены на торжественное праздничное собрание, созванное в честь дня победы и освобождения немецкого народа от фашизма. На этом собрании с докладами выступали Первый секретарь СЕПГ *Вальтер Ульбрихт* и член Президиума Верховного Совета СССР *В. И. Устинов*, появление которых было встречено бурной овацией.

8 мая в 7 часов утра мы направились в Лейпциг. На пути мы остановились в г. Виттенберге — колыбели Реформации, где в далеком прошлом жил и трудился великий реформатор *Мартин Лютер*.

Мы присутствовали на богослужении в лютеранской церкви, в которой в XVI веке проповедовал этот благословенный служитель Господень. Здесь, исполненный Духом Святым, он провозгласил впервые евангельскую истину о спасении через веру в искупительную жертву Христа.

После богослужения нас пригласили осмотреть дом, в котором жил и работал великий реформатор. Часть этого дома превращена в музей и в духовную академию. Здесь в прежнем виде сохраняется скромный кабинет, в котором Лютер проводил беседы со своими учениками, переводил Библию и сочинял духовные гимны.

В бывшей замковой церкви сохраняются исторические гробницы великих сподвижников Реформации — *Мартина Лютера* и его друга

и соратника — *Филиппа Меланхтона*. Несколько минут мы стояли в молитвенном молчании у гробниц этих мужественных воинов Христа, вознося благодарность Богу за их благословенный труд, совершенный для всех протестантских церквей.

В этой церкви католики не давали возможности Мартину Лютеру произносить евангельские проповеди, но на дверях ее смелый реформатор, рискуя быть сожженным, прибил свои 95 тезисов, которые прозвучали сильным пробуждающим колоколом в духовной тьме средневековья.

Проехав целый ряд небольших городов и деревень, блиставших своей чистотой, мы прибыли в большой и красивый город Лейпциг. Здесь нас встретили представители Лейпцигского окружного Совета мира. Мы присоединились к ранее приехавшей из разных стран группе священнослужителей.

Осматривая достопримечательности города Лейпцига, мы проезжали много исторических памятников, осмотрели большую лютеранскую, а также православную церкви.

В 2 часа дня состоялся обед с руководителями Совета мира и городского совета. Здесь я имел возможность познакомиться со многими религиозными деятелями.

9 мая, рано утром, мы оставили Лейпциг и направились в Дрезден, город древней культуры, который в одну ночь, в феврале 1945 года, был разрушен почти полностью американо-английскими бомбардировщиками. До сих пор еще здесь стоят руины сожженных и разрушенных зданий, как яркое свидетельство ужасов и бедствий войны. Знаменитая Дрезденская картинная галерея, в ходе войны, была спасена Советской армией и сохранена Советским Союзом. В центре города и в районах его строятся новые жилые дома. 9 мая в 14 часов в этом городе открылась конференция Немецкого Совета мира на тему: «Участие немцев в окончании холодной войны». На эту конференцию были приглашены религиозные деятели разных христианских церквей из тринадцати европейских стран. Здесь были профессора богословия, священнослужители и другие деятели лютеранской, реформатской, православной, баптистской и других церквей, а также представители от евреев. Из Западной Германии было более двадцати пасторов. Я был особенно рад встретиться на этой конференции мира с дорогими братьями по вере из Восточной и Западной Германии, а также с братом баптистом из Финляндии — *Альвиром Сунделлем*.

Все выступавшие на этой конференции высказывались в защиту установления прочного мира и мирного сосуществования народов.

На третий день конференция единодушно приняла соответствующую резолюцию.

В последний день пребывания в Дрездене состоялась прогулка по городу и осмотр всемирно известной Дрезденской картинной галереи.

Мы возвратились в Берлин 12 мая вечером, а в пятницу 13 мая мы были приглашены на обед к генеральному секретарю Христианского Демократического Союза — *Гарольду Геттингу*, который в личной беседе со мной очень тепло отзывался о деятельности *А. В. Карева* в пользу мира и просил передать ему сердечные приветы. Сам он несколько раз побывал в СССР и с восхищением вспоминает свои поездки.

В субботу 14 мая, в 10 часов утра, мы были приглашены на торжественное пленарное заседание Немецкого Совета мира в центре Берлина, на котором с докладом о положении в деле защиты мира выступил генеральный секретарь Немецкого Совета мира *Гейнц Вильман*. От нашей делегации выступил епископ *Густав Турс*.

После заседания мы совершили приятную пятичасовую прогулку вокруг большого Берлина на вновь отремонтированном пароходе

«Фриденсвахте» («На страже мира»). Проезжая мимо прекрасных дач, мы любовались красотой живописной природы.

Ехавшие вместе с нами, узнав, что мы из Советского Союза, задавали нам многочисленные вопросы и отнеслись к нам как к представителям Советского Союза с большим вниманием и уважением.

В воскресенье 15 мая я был приглашен принять участие в утреннем богослужении баптистской общины «Вифлеем». В своем слове я рассказал верующим немцам на их родном языке о деле Господнем в Советском Союзе и проводимой ВСЕХБ работе в пользу мира. После богослужения мне было предложено встать у выходных дверей для прощания со всеми верующими. Я почувствовал много сердечных рукопожатий и услышал много самых лучших пожеланий и приветов всем верующим моей родины.

В течение всей моей поездки я имел возможность общаться с представителями различных церквей, знакомиться с методами их работы и с их церковной жизнью. Я был рад слышать, что все они горячо желают мира для всего человечества и активно содействуют водворению его на земле.

А. И. Мицкевич

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАРКА

Глава 2

Стихи 1—2. «Чрез несколько дней», то есть когда несколько улеглось возбужденное состояние народа, не позволявшее Господу на время входить в город и удерживавшее Его в пустынных местах (1, 45), Господь опять пришел в Капернаум. Из дальнейших слов повествования: «слышно стало» — можно заключить, что и на этот раз Господь пришел в Капернаум тихо, как бы скрываясь. «И у дверей не было места». Так называемый двор был полон народа, и около входных дверей была толпа. «Говорил им слово». Слово Божие или учение Свое, то есть Евангелие (ср. 8, 38).

Стихи 3—12. Об исцелении расслабленного Евангелист Марк повествует согласно с евангелистом Матфеем, только несколько подробнее, восполняя таким образом сказанное первым евангелистом. «Раскрыли кровлю дома»... В Иудее дома (не бедных, у которых большей частью была одна комната) строились по большей части так: середину занимал двор, по четырем сторонам которого воздвигались постройки, составлявшие собственно жилище; с улицы в этот двор вела дверь или ворота, и отсюда уже были двери в комнаты дома. Этот двор у богатых выстилался мрамором и украшался разными орнаментами, иногда фонтаном, и, во всяком случае, даже и у бедных содержался чисто. Здесь бывали праздники и семейные беседы. Двор был открыт сверху, но в случае ненастья или плохой погоды его покрывали сверху щитами из досок или кожей, или полотном. Собственно жилые постройки, окружавшие двор, были с плоскими крышами, обнесенными балюстрадой, которые составляли таким образом галереи, по которым прогуливались, куда уединялись и проч. На эти кровли или галереи вели лестницы изнутри двора, а иногда с улицы. Кровли соседних домов иногда соединялись под одну, так, что, взошедши на один дом, можно было пройти часть улицы. При таком устройстве домов понятен рассказ о спуске расслабленного чрез кровлю двора. Господь поучал народ, вероятно, не в самих жилых комнатах дома, а на упомянутом дворе, где было удобнее предлагать поучение собравшемуся во множестве народу. Принесшие расслабленного, не имея возможности за многолюдством проникнуть во двор, поднялись с ним на верх дома, на галереи или по внешней лестнице, или по лестнице другого соседнего дома и, подняв один или несколько щитов из временной и легко разбирающейся кровли двора, опустили на веревках расслабленного к тому месту, где поучал Господь Иисус. Это раскрытие кровли при таком устройстве было, конечно, совершенно удобно и безопасно. Несших одр было четверо; вероятно, к одру, по четырем концам его,

были привязаны веревки, с помощью которых спустить его сверху было удобно. «Никогда ничего такого мы не видали» — выражение народного изумления при виде необычайного чуда, сотворенного Иисусом Христом. Пророков-чудотворцев давно уже не было у евреев. Иоанн Креститель был величайший пророк, но чудес не творил. Посему народ особенно поражен был этой необычайной чудотворной силой, явленной Господом.

Стих 13. «Вышел» — из Капернаума (ст. 1). «К морю» — Геннисаретскому или озеру Тивериадскому, на берегу которого лежал Капернаум.

Стихи 14—17. О призвании к апостольству Матфея см. совершенно сходный рассказ у Матфея 9, 9—13 и примечание к этим стихам. «Левия Алфеева», то есть Матфея мытаря, брата апостола Иакова Алфеева. Что Левий и Матфей одно и то же лицо, это показывает одинаковость сказаний об обстоятельствах призвания к апостольскому служению Матфея в Евангелии от Матфея и Левия в рассматриваемом месте, тогда как во всех перечисленных у евангелистов именах апостолов имени Левия между ними нет. У иудеев был обычай носить не одно имя (Иуда-Фаддей-Левий, Симон-Петр и др.).

Стихи 18—22. Ответ на вопрос, почему ученики Господа не постятся, совершенно сходен с изложением ответа у Матфея 9, 4—17.

Стихи 23—28. Защищение Господом учеников, срывавших колосья в субботу, изложено у евангелиста Марка несколько короче, чем у евангелиста Матфея, но совершенно согласно с ним (см. Матф. 12, 1—8).

«При первосвященнике Авиафаре». По повествованию 1Цар. 21, 1 первосвященником в то время, о котором здесь идет речь, был не Авиафар, а Авимелех; Авиафар же был сын его (1Цар. 23, 6), уже после отца унаследовавший по закону первосвященническое звание. Предполагали, что и отец и сын носили эти имена, на что, по-видимому, указывают 2Цар. 8, 17 и 1Парал. 24; 6, 31, где Авимелех называется сыном Авиафара. Но, кажется, вернее предположить, что евангелист Марк потому поставил имя Авиафара вместо имени отца его, что сын был более известен и любезен сердцу еврея, чем отец, и в этом не было хронологической неточности. Сын первосвященника был законным ему преемником, помогал отцу в отправлении его обязанностей, в чем мог. Посему нет ничего особенно странного в том, что он в устах народа носил звание первосвященника еще при жизни отца своего, хотя и должен был унаследовать его потом. Кроме того, Авиафар оставил сообщество Саула, преследовавшего Давида, и сделался другом последнего, принесши к нему с собою ефод, составлявший одну из принадлежностей первосвященнического облачения. Он долго исполнял должность первосвященника при царе Давиде, и поэтому было очень естественно, что в повествовании об этом царе упоминалось и имя Авиафара как первосвященника. Во всяком случае, исторически верно, что рассказываемое здесь событие случилось во времена Авиафара, впоследствии первосвященника при царе Давиде.

«Суббота для человека, а не человек для субботы». Суббота дана для человека, для достижения через нее высоких нравственных целей, для успокоения от трудов, забот и треволнений житейских; для того, чтобы отклонить внимание его от внешнего мира и устремить к Богу Творцу и Отцу; для того, чтобы отвлечь его мысли от временного, настоящего и суетного и обратить их к вечному, будущему, непреходящему. Следовательно, и в субботу должно делать то, что споспешествует духовному благосостоянию человека, и он не должен останавливаться в таковой, полезной себе и ближним, деятельности ради того, что извращенные человеческие (иудейские) учения запрещают то или другое делать в субботу, помня, что Сын человеческий есть господин и субботы.

Глава 3

Стихи 1—5. «И пришел опять в синагогу», то есть в Капернаум же. «Там был»... — об исцелении сухорукого см. Матф. 18, 9; евангелист Марк рассказывает это событие несколько отлично от евангелиста Матфея, частью опуская то, что есть у него, частью восполняя новыми подробностями, так что только из сопоставления обоих выходит полный рассказ об этом событии в таком виде: фарисеи наблюдали за Иисусом Христом, не исцелит ли Он сухорукого в субботу (Марк), чтобы обвинить Его, и спросили Его, можно ли лечить в субботу (Марк и Матф.). Господь велел стать сухорукому посреди синагоги и спросил фарисеев, что должно делать в субботу: доброе или злое? Они молчали. Он же продолжал: «Кто из вас, имея одну овцу» и проч. (Матф.). Тогда он, посмотрев на них с гневом (Марк), повелел сухорукому протянуть руку и исцелил ее (Марк и Матф.). «Должно ли в субботу добро делать или зло?» Кажется, у иудеев было мнение, что кто не делает добра ближнему при представившейся возможности или случае, тот делает зло ему; кто не спасает жизни ближнего, тот губит ее. В самом деле, если человек имеет случай и возможность спасти жизнь ближнего своего и не делает этого, он повинен в смерти его; если человек имеет возможность и случай сделать ближнему какое-либо добро и не делает его, он делает зло. Выходя из этого общего нравственного начала, Господь и спрашивает фарисеев, должно ли в субботу облегчить страдания этого несчастного или же должно оставить его страдать. Фарисеи, конечно, не могли не сознавать, что надобно сделать добро, облегчить страдания, но, по извращенным понятиям о субботнем покое, могли думать, что это лучше сделать не в субботу (Лук. 13, 14). Впрочем, они молчали. Но Господь, видя помышления их (Лук. 6, 8), указал им ясно их собственными действиями, что доброго дела не следует откладывать до другого времени из-за субботы, из-за опасения нарушить субботний покой. Он указал им, по сказанию евангелиста Матфея, что сами они в субботы оказывают благодеяния, например, своим домашним животным; как же не оказать благодеяния человеку, который несравненно ценнее, чем домашнее животное (Матф. 12, 11—12). «Воззрев на них с гневом». Это не было возбуждение страсти гнева, но возбуждение чувства правды и истины, оскорбленного явным неразумием и лицемерием или вообще грубостью нравственного состояния фарисеев; следовательно — это гнев праведный (Еф. 4, 26), не греховный (Пс. 4, 5). «Скорбя об ожесточении сердец их» — вот источник гнева: скорбь об огрублении сердца. Обыкновенно называют сердце мягким, когда оно живо чувствует собственные грехи и слабости и легко откликается на несчастия и страдания ближнего и готово помочь им всем возможным, воспламеняясь любовью к ближним и Богу; жестоким, грубым или каменным называют сердце, которое не замечает свои грехи, слабости и не исполняется состраданием к несчастиям или страданиям ближних, другими словами, сердце эгоистическое, самолюбивое. Таково было сердце фарисеев, наблюдавших за Господом, не исцелит ли Он человека, чтобы за это благодеяние ближнему обвинить Его — Благодетеля. Самозванной праведностью они ожесточили сердце свое до того, что ни чистый божественный закон, ни учение Господа не могли смягчить его и влить в него высокое чувство сострадания к исцеленному в субботу несчастному сухорукому; из-за суетного предания, что ничего не должно делать в субботу, хотя сами и делали, они изгнали из сердца своего милосердие и человеколюбие.

Стихи 6—8. «С иродианами», то есть приверженцами Ирода Антипы. Тивериада, недалеко от Капернаума, на берегу Геннисаретского же озера, была в то время в особенности местом пребывания полити-

ческой партии Ирода. Это упоминание евангелистом Марком, что фарисеи злоумышляли против Господа в соединении с иродианами, ясно свидетельствует, что вражда фарисеев против Иисуса Христа уже и в это время была очень сильна; ибо партия иродиан и секта фарисейская были непримиримыми врагами и глубоко ненавидели друг друга.

«Удалился к морю», то есть к Геннисаретскому озеру, может быть, в места пустынные около Капернаума, где Господь мог быть более безопасен от злоумышлений врагов, где Он окружен был преданным Ему народом и где политические приверженцы Иродане так легко могли уловить Его. Час Его еще не пришел, и Он употреблял естественные средства для собственной безопасности. «Из Галилеи, Иудеи, Иерусалима». Иерусалим был в Иудее, но евангелист упоминает о нем особенно, вероятно, для того, чтобы показать, что за Господом следовали не только жители сел и незначительных городов, но и жители столицы — более образованные, богатые и сильные. «Идумеи» — это была страна, населенная едомлянами и находившаяся на юг от Палестины. Идумея — греческий перевод еврейского Едом. Едомом назван сын Исаака — Исав, брат Иакова. Народ, происшедший от Исава-Едома и назывался едомлянами, или идумеянами. Во время плена вавилонского идумеяне расселились и по Палестине, заняли большую часть южной Палестины около Мертвого моря и некоторые перешли в иудейскую веру. Иоанн Гиркан впоследствии даже силой принуждал идумеян к иудейской вере, а потому во времена Христовы было много едомлян иудейской веры, и они-то, конечно, следовали за Христом, ожидавшимся в то время иудеями. Или, может быть, это были иудеи, поселившиеся в земле Идумейской, так как тогда иудеи жили во множестве в разных местах около Палестины. «Из-за Иордана» — жившие на восточной стороне реки Иордана, то есть в Перее или Галааде, населенном природными иудеями. «И живущие в окрестностях Тира и Сидона». Разумеются также иудеи или прозелиты, то есть перешедшие из язычества в иудейство. Нет, впрочем, ничего невероятного и в том, что даже язычники из упомянутых мест приходили к Господу, слыша о необыкновенных чудесах, Им совершаемых; ибо не только в Иудее, но и у язычников было в то время ожидание, хотя темное, какого-то необыкновенного человека именно в Иудее. Когда слух о необыкновенных чудесах Иисуса Христа распространился по всей Сирии, то нет ничего невероятного, что он привлекал к Господу и лучших из язычников.

Стихи 9—12. «Ученикам Своим» — ближайшим, которых Он ранее призвал и которые всюду теперь сопровождали Его (1, 16—20, 29; 2, 14). «Лодка» — может быть, принадлежавшая кому-либо из ближайших учеников Его, рыбарей (1, 16—20). «Дабы не теснили Его»: ближайшая цель удаления в лодку — теснота от множества народа. Этим, конечно, не исключается и другая причина — беспрепятственнее и свободнее учить из лодки народ, стоявший на берегу (ср. Матф. 13, 2—3), и еще дальнейшая — удобнее и скорее переправиться на другой берег Тивериадского озера. «Ибо многих Он исцелял» — причина, по которой так теснил Его народ.

«Исцелял» — без сомнения, чудотворною силою, что показывают и дальнейшие слова повествования, когда говорится, что недужные исцелялись от одного только прикосновения к Господу. «И духи нечистые», обуревавшие бесноватых, «падали пред Ним» в знак покорности Его всемогущей власти над ними. «Кричали: Ты Сын Божий» — невольное исповедание мессианского достоинства Иисуса Христа даже со стороны злых демонов. «Строго воспрещал им».

Стихи 13—19. «Взошел на гору» — близлежащую, недалеко от Капернаума. «Позвал к Себе, кого Сам хотел» — из множества следовавшего за Ним народа Он позвал к Себе на гору тех, кого намеревался

особенно приблизить к Себе, сделать Своими ближайшими учениками — апостолами. «И поставил двенадцать (об избрании 12 апостолов ср. Матфея 10, 1 и далее), чтобы с Ним были», чтобы были ближайшими и постоянными Его учениками и помощниками в проповеди евангельской и в деле устроения новозаветной Церкви словом и действиями, для чего им теперь же дарованы чрезвычайные духовные дары и средства (Матф. 10, 1). «Симона, нарекши ему имя — Петр» — это имя наречено было Симону еще ранее, при первой встрече Господа с ним (Иоан. 1, 43), теперь же только подтверждено, равно как и еще впоследствии, по исповедании им Господа Мессиею, Сыном Бога живого (Матф. 16, 15—18). «Воанергес, то есть «сыны громовы»... по арамейскому произношению и сирийскому значению слова. Образная речь эта означает, что Иаков и Иоанн, сыновья Зеведеевы, в определенных отношениях подобны грому. Этим прозвищем обозначаются особенности характера братьев Зеведеевых, как именем Петра обозначаются особенности характера Симона. Вот эти особенности сынов Зеведеевых: сила, стремительность и некоторая величавость, выражающиеся в слове и деле. Эти свойства они вскоре проявили при одном случае, когда просили Господа свести, подобно Илии, с неба огонь на негостеприимное к ним селение Самарянское (Лук. 9, 54). Впрочем, это прозвище, данное им, встречается только здесь и нигде более не упоминается о нем. Кажется, оно не осталось за ними в обычном употреблении и не стало как бы их собственным именем, как стало у Симона, у которого прозвище Петр или Кифа, сделалось его собственным именем.

Стих 20. «Приходят в дом», опять в Капернаум. «Невозможно было и хлеба есть»: по причине множества народа, то есть по причине тесноты от народа, негде было поставить стола, чтобы учредить трапезу, или по причине множества, желавших поучаться, некогда было даже хлеба вкусить, или и то и другое вместе.

Стих 21. «Ближние Его». Из дальнейшего повествования видно, что это были Матерь и названные братья Господа (ст. 31). «Пошли», то есть вышли из того места, где были, вероятно, из Назарета, отечественного их города, и пошли в Капернаум. «Взять Его» из среды народа и увести домой, чтобы прекратить те толки о Нем, о которых они услышали, или предохранить Его от опасности, возможной в том положении Его, в каком, по слухам, дошедшим до них, находился Он. «Ибо говорили, что Он вышел из Себя»: выйти из себя в добром смысле — значит, находиться в высоком религиозно-нравственном воодушевлении (энтузиазме) (2Кор. 5, 13); в дурном смысле слова — быть не в здравом душевном состоянии, то есть то же, что говорили о Господе фарисеи, что Он якобы имеет в себе веельзевула (ст. 22). По связи речи надобно полагать, что слова «вышел из себя» должно понимать здесь в последнем смысле. Вероятно, враги Господа распустили о Нем этот слух, чтобы повредить Ему во мнении народа, ослабить или уничтожить влияние Его на народные массы, и этот слух дошел до ближних Иисуса Христа в Назарете; и вот они, услышав о сем, пошли взять Его. При таком объяснении слово «говорили» надобно понимать безлично, то есть говорили это не ближние Господа, а другие: был такой говор, дошедший до них, была пущена такая молва, услышанная и ими, вследствие которой они и пошли взять Господа. Если же полагать, что слово «говорили» относится к ним самим, то не должно ли думать, что слова: «Он вышел из Себя» они употребили в первом из указанных выше добром смысле? Впрочем, в Евангелии от Иоанна говорится (7, 5), что и братья Его не верили в Него, как Мессию, по крайней мере долго. Может быть, их соблазняла мысль о Его бедности, тогда как Мессия, по общему верованию того времени, хотя и ошибочному, от которого, однако, не могли быть свободны и названные братья Господа, должен явиться как царь во внешнем величии. Иисус Христос

до тридцатилетнего возраста жил с ними, как сын тектона, и вдруг, оставив все, начал действовать, как чрезвычайный посланник Божий, творить дела необычайные. Не могли ли они в самом деле соблазняться этим, и, не веруя в Него, как Мессию, но слыша о Его необыкновенных делах, думать, что Он вышел из Себя? Конечно, впрочем, если и предположить, что названные братья Господа думали и говорили так о Нем, то Матерь Его, знавшая тайну явления Сына Своего, не могла разделять их мыслей, и только материнское сердце, а не подобные думы, влекло теперь к Нему Ее, может быть, встревоженную слухами, что Сын Ее вышел из Себя и что, может быть, Ему грозит вследствие сего опасность от врагов Его.

«Он имеет в Себе веельзевула» — это сильнее, чем в повествовании Ев. Матфея (12, 24). По тому повествованию они говорили только, что Он изгоняет бесов силою веельзевула, то есть повелевает духами нечистыми, а по рассматриваемому повествованию они считают еще Его Самого одержимым духом нечистым (ср. ст. 30), каковую нелепость их мысли и обличает Господь. Существенного различия в повествованиях о сем Ев. Матфея и Марка, очевидно, нет; у последнего прибавлена только новая черта, весьма вероятная, или, точнее сказать, совершенно достоверная, так как на эту черту указывает и Сам Спаситель в дальнейшем опровержении или изобличении сей хулы на Него и так как мы из слов Самого же Господа знаем, что враги Его во вражде против Него даже Самого Его называли веельзевулом (Матф. 10, 25); не мудрено поэтому, что они говорили и разглашали, будто в Нем нечистый дух. «И призвав их» — из множества окружавшего Его народа вызвал их для изобличения. «Не подлежит он вечному осуждению». Вечное осуждение, осуждение на вечные нескончаемые мучения есть необходимое следствие того, что грех хулы против Духа Святого не простится ни в сей век, ни в будущий, то есть никогда. Нечистый дух — то же, что веельзевул (ст. 22), в противоположность Духу Святому (ст. 29).

Об ответе Господа напомнившим Ему, что Матерь и братья Его дожидаются Его, см. совершенно одинаковое повествование у евангелиста Матфея 12, 46—50.

Глава 4

Стихи 1—2. «Опять» — см. 3, 7, 13, 20; пошел из Капернаума к морю, потом был на горе, потом в доме и теперь опять учил при море. «Вошел в лодку и сидел на море»: для удобства, чтобы не теснили Его и чтобы способнее было Ему учить, а им слушать. Учил их Господь притчами много; из этих многих притчей Евангелист Марк избирает только три, тогда как евангелист Матфей сообщает семь (13 гл.) в обоих случаях священные числа. В общем содержании притчей у евангелиста Матфея Царство Божие показано более во временном его развитии, здесь же более в пространственном: первая притча (о сеятеле) представляет чрезвычайную трудность насаждения и устроения этого Царства как в отдельных душах, так и в целых обществах; вторая (о семени, упоминаемая только евангелистом Марком) — его твердое, необходимое, как законы природы, раскрытие в отдельных людях и обществах; третья (о зерне горчичном) — его чудесное, славное и обширное распространение.

Стихи 10—12. «Окружающие Его»: у евангелиста Матфея говорится просто — «ученики»; евангелист Марк показывает, что это были не только ученики из двенадцати, но и другие с ними. Вероятно, это были ближайшие к Господу из последователей Его, сверх двенадцати, более внимательные к учению Его и более понимавшие это учение; может быть, это были те, из которых Он избрал после еще семьдесят,

хотя это избрание или отделение от прочих многочисленных последователей Его теперь еще не совершилось. «Этой притчей»: о смысле притчи, только что сказанной, которой они не понимали (стих 13). Из ответа Господа (стихи 11—12), по сравнению с более определенными словами у евангелиста Матфея (13, 10), видно, что ученики спрашивали Господа не о смысле только произнесенной притчи, но и вообще — почему Он излагает перед народом учение Свое в притчах. «А тем внешним»: позднее, в апостольских писаниях, под словом «внешних» разумеются неверующие (1Кор. 5, 12; Кол. 4, 5; 1Тим. 3, 7); у евреев (по Талмуду) внешними назывались люди, не еврейской национальности, а также неученые, непосвященные в тайны знания, простой невежественный народ. Здесь, по противоположности с словом «вам», это выражение означает: тех, которые стоят вне круга ближайших учеников Христовых, то есть весь простой народ, не посвященный в тайны Царства Божия. «Все бывает в притчах»: они не способны еще понимать учение о тайнах Царства Божия в Его чистом, более возвышенном и духовном виде, без покрова, доступного им внешнего образа; все учение об этом преподается им и должно еще преподаваться в притчах.

Стих 13. «Не понимаете этой притчи? Как же...» Эта притча о сеятеле и семени служит как бы основою следующих притч о Царстве Божием и по времени произнесения, как первая в ряду этих притч, и по важности ее, и притом, по-видимому, она проще и яснее других. Если ученики и ее не понимали, то еще труднее было им понять следующие за нею; разъяснением же ее давался им ключ к верному открытию смысла и следующих притч. Это, впрочем, не слова укоризны ученикам за непонимание речи Христовой, а оборот речи, имеющий целью обратить их особенное внимание на важность как этой притчи, так и последующих. Им, будущим проповедникам Евангелия и учителям вселенной, надобно яснее понимать тайны Царствия Божия и в притчах и без притч. Если же теперь они не разумеют смысла этой притчи, основной по содержанию и более простой по изложению, как же они поймут смысл всех притч, между которыми могут быть (и есть) более трудные для разумения? Итак, им надобно стараться вникать в смысл притч.

Стихи 21—23. «И сказал им»,— по описанию евангелиста Матфея следующие изречения были сказаны Господом при других случаях (Матф. 5, 15; 10, 26). В пояснение этого и других подобных изречений заметим раз навсегда, что: 1) Евангелисты не следуют строго хронологическому порядку в своих повествованиях в отношении частных событий и изречений Господа и что 2) Господь, вероятно, повторял при разных случаях некоторые из Своих изречений для того, чтобы сильнее запечатлеть их в памяти Своих учеников и слушателей, причем эти изречения получали сами тот или другой оттенок в смысле и, может быть, повторялись не буквально. Так и здесь. «Для того ли приносится свеча?» По связи речи здесь этим выражением указывается цель, ради которой Спаситель излагает Свое учение о тайнах Царства Божия в притчах,— раскрывать эти тайны, чтобы свет их истин просвещал ум неведущих. «Под сосудом»: с подлинника — вера, которую измеряются семена. «Под кровать» или, как можно понимать, под стол; вообще же мысль — свечу ставят не внизу чего-либо, что закрывало бы ее свет, а наверху, чтобы свет от нее беспрепятственно распространялся в комнате. «Нет ничего тайного»; тайна сообщаемая не имеет назначения оставаться тайною навсегда, вечно: она со временем должна открыться, и если когда сообщается как тайна, то лишь до времени, по известным обстоятельствам или потребностям, с изменением или прекращением которых ей нет более причин оставаться тайною, и она может и должна открыться. Смысл обоих стихов, если ли-

шить их образного выражения, в связи речи таков: проповедь Моя о тайнах Царствия Божия в притчах назначена не для того, чтобы закрыть истину, но чтобы открыть ее, чтобы она светила всем, подобно свече. И вы не думайте, что то, что Я открываю теперь вам наедине, тайно, так и должно оставаться тайной для мира. Нет, Я открываю вам истину, вношу в мир свет,— вы должны принять и понять эту истину и раскрывать ее миру, распространять по всей вселенной свет веры и ведения. Теперь говорю в притчах народу потому, что он еще не способен без покрова принять и понять принесенные и возвещаемые Мной истины; со временем, когда он будет способнее к этому, вы раскроете ему прямо, без покрова притчи, эти истины, эти тайны Царства Божия.

Стихи 24—25. «Замечайте, что слышите», то есть будьте особенно внимательны к Моим словам, чтобы уразуметь их смысл, важный в учении о Царстве Божием. «Какою мерою мерите»... Смысл этих слов такой: как вы будете внимательны к Моим словам и, уразумев смысл их, окажете ревность к распространению истины, в той мере будет приумножаться ваше разумение и ваша ревность к распространению истины, в той мере будет приумножаться ваше разумение и ваша ревность. «Вам, слушающим»,— внимательно слушающим и разумеющим. «Ибо кто имеет»... — причина, по которой внимательно слушающие преуспевают более и более в познании того, что слушают, и в ревности к проповеданию познанного.

Стихи 26—29. «И сказал», то есть народу, поучая его в притчах (стих 2). «Царствие Божие подобно тому», то есть в церкви Христовой, или с церковью Христовой, а равно и с каждой душой христианской, в которой раскрывается Царство Божие (по сказанному: Царствие Божие внутри вас, Лук. 17, 23) происходит то же. В притче этой указывается раскрытие Царства Божия как в целых обществах, так и в каждом верующем человеке: твердое, неизменное, как законы природы, и постепенное до окончательного совершения оного. «Человек бросит семя в землю», то есть проповедник посеет в обществе или в отдельной душе семя слова Божия, или преподаст учение Христово людям, готовым веровать ему и принять его. В этом смысле под человеком-проповедником можно разуметь главным образом Господа Иисуса Христа, принесшего на землю учение небесное и посеявшего его в сердцах людей, потом первых проповедников Его учения во вселенной, их преемников и, наконец, каждого верующего, принявшего в сердце свое слово истины. При определении отдельных понятий и деталей притчи заметим здесь, что не для всех их надобно особое значение, но многие черты в притчах употребляются только для оживления и украшения речи и для более естественного изображения описываемого события. «И спит и встает»: спит ночью встает утром, то есть живет как обыкновенно, не оказывая никакого особенного влияния на произрастание семени. Из этого, впрочем, нельзя делать вывод, что люди не должны употреблять своих усилий для выращивания этого семени, для развития и утверждения в душе веры и добродетели; нет, выражение это означает только, что люди не знают и не понимают, каким образом всходит и растет семя, как начинается, возрастает и укрепляется вера и добродетель в сердце человека. Заметно, что семя это растет, но как? Внутренний процесс произрастания остается необъяснимым. Семя вещественное дает росток, стебель, цвет, плод, и простой наблюдатель видит это и знает; ученый наблюдатель знает и условия и законы прозябания и оплодотворения, но — и только. Как растет — никто не знает. То же и с религией в душе человека и целых обществ. Можно замечать нравственное преобразование, чувствовать нужду молитвы, самоиспытание, желание чтения Писания, упражнения в разных видах добродетели и проч., но как раскрывается в духе

истина религии, не понимаем. «Ибо земля сама собою производит», то есть без ведома человека, по данным ей от Бога законам, в то время как человек занят другими своими делами. Без вмешательства человека земля данной ей силой произрастает семя, хотя со стороны человека и нужны: возделывание земли, удобрение, уход. Так и Царство Небесное или религия в душе человека и в сознании целых обществ раскрывается не силою самих людей, хотя при сем и требуется их собственная деятельность, равно, как и содействие Божественное, содействие благодати, как для произрастания семени требуется солнце, влага и проч. Только человек не понимает и не знает, как эта религия растет, раскрывается, усовершенствуется. «Сначала зелень» — постепенное возрастание семени до полной зрелости. Так и вера или вообще благочестие постепенно возрастает в душе человека и в жизни обществ: сначала она слабая, нежная, как первый росток прозябающего семени, может быть, не малое время остается скрытой в глубине сердца, как семя под землею. Она требует забот, попечений, ухода, влаги благодати и луча солнца — правды, защиты и охранения от холода мира, от жара страстей, от бури разных житейских попечений; тогда, развиваясь далее и более, она дает полное зерно в колосе — плоды веры — добродетели.

«Когда же созреет плод». Жатва — день последнего суда Божьего. Когда плоды добродетелей в Царстве Божием вообще созреют, когда придет определенное время суда над миром, тогда избранные будут отделены от бесплодных, как жнец отделяет добрые колосья от дурных трав, и первые собирает в житницу, а последние уничтожает. Так бывает иногда и с самим человеком: когда плоды добродетели его созрели и он готов для неба, он берется от среды живых, как срывается готовый плод.

Стих 30. «Чему уподобим». Выражение как бы раздумья о том, как бы еще более уяснить народу понятие о Царствии Божием, какое бы найти сравнение более удобопонятное, образ более простой и доступный для народного разумения.

Стихи 31—32. «Притча о зерне горчичном» — см. Матф. 13, 31—32.

Стихи 33—34. «Слово» — учение о Царствии Божием. «Сколько могли слышать», то есть понимать проповедуемое им. Народ был как дитя, которому нужно было буква за буквой уяснять учение о спасении мира, чтобы он понял, сначала хотя немного, не самую тайну учения о Царствии Божием, которое не понимали еще ясно и ученики, а по крайней мере внешнюю форму учения, проникая хотя мало и в то, что под нею сокрыто.

«Без притчи не говорил им»: в это время и об этом предмете. «Ученикам наедине изъяснял все»; потому что ученики, общаясь постоянно с Учителем, были уже способнее понимать тайны Царствия, чем простой народ; им уже дано было знать тайны Царствия (Матф. 13, 11). С другой стороны, ученики скоро должны были сами сделаться учителями вселенной, и их нужно было особенно приготовлять к этому особенному служению; и Господь приготовлял их к тому, объясняя им наедине более, чем что говорил народу, извлекая из-под внешнего покрова притчи духовный смысл тайн Царствия Божия.

Стихи 35—41. «Вечером»: более точное определение времени, чем в параллельных местах у евангелиста Матфея и Луки, то есть, что буря и укрощение ее случились при наступлении ночи или ночью. «Переправимся на ту сторону» — Генисаретского озера. Они были в то время в окрестностях Капернаума, на западной стороне озера (ср. ст. 1), следовательно, готовились переплыть на восточную, или, точнее, юговосточную сторону, о чем и свидетельствует дальнейшее повествование о событии в стране Гадаринской. «Отпустив народ» — вероятно, после преподания Своего благословения и наставлений. «Как

Он был в лодке», с которой поучал народ (ст. 1). «Взяли Его с собою»: выражение, употребленное для большей наглядности речи. «С Ним были и другие суда», которые, без сомнения, принадлежали Его последователям. Народ, увлеченный Его учением, как видно, не хотел расставаться с Ним, и имевшие возможность последовать за Ним на лодках воспользовались этой возможностью, чтобы продолжать пользоваться близостью к великому Учителю, слушать Его увлекательное учение, видеть Его поразительные дела. «Поднялась великая буря»: рыболовная лодка, на которой они плыли, была, конечно, не велика; ветер, вырываясь из горных ущелий, окружавших восточный берег озера, производил сильное волнение; был вечер или даже ночь, увеличивающая страх; лодка захлебывалась водою — вера учеников ослабела. «Неужели Ты не заботишься?» Выражение страха и малодушия. «Умолкни, перестань»: слово Всесильного, Которому покоряются стихии мира. «И сказал им»: по словам евангелиста Матфея, Господь сказал это до укрощения бури; по словам Марка — после; различие в повествовании не существенно важное; когда бы ни был произнесен упрек ученикам за маловерие их, не имеет значения, для истинности повествования это равнозначительно. «Убоялись страхом великим»: сильнее, чем выражение у евангелиста Матфея — «удивлялись». Буря, ночь, опасность великая, страх за жизнь, и вдруг тишина и безопасность по одному слову Иисуса Христа; страх за жизнь сменился страхом перед этой чудотворной силой, так смиряющей стихии; к этому страху неизбежно присоединяется удивление к Чудотворцу, как к тому страху пред опасностью примыкает маловерие; в этом удивлении коренится уже вера в Чудотворца, как Господа неба и земли, как Мессию, хотя вера может быть еще несколько шаткая, особенно у народа, сопровождавшего Его; ученики, без сомнения, были уже более подготовлены к твердой вере в Него, которую они и выразили в подобном случае после.

Е. М.

ПЕРВОЕ БЛАГОВЕСТНИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ АПОСТОЛА ПАВЛА

По уходе из Антиохии Павел и Варнава, взяв с собою Иоанна, прозванного Марком, отправились в Селевкию. От Антиохии до этого города путь недолог. Он идет извивами вдоль правого берега реки Оронта, через последние отроги Прерийских гор, через множество ручьев, которые приходится переходить вброд, через миртовые, лавровые, дубовые рощи, мимо зажиточных деревень, повисших на крутых гребнях горы. Налево раскинулась цветущая, превосходно возделанная долина Оронта. С юга закрывают горизонт лесистые вершины Дафнийских гор. Это уже не Сирия. Это классическая, смеющаяся, плодородная, цивилизованная страна. Каждое имя здесь напоминает о могущественной греческой колонии, которая придала этому краю столь крупное историческое значение и стала центром порой весьма упорного противодействия семитическому духу.

Селевкия — антиохийский порт и главный выход из северной Сирии на запад. Город, частью ушел в глубь долины, частью карабкается на крутизны, близ угла, который образуют холмы, намытые водами Оронта.

Господствующим культом в этой стране был культ горы Касия, красивой вершины правильной формы, по ту сторону Оронта; с этой горой связывалось немало легенд. Берег здесь негостеприимный, море бурное. Ветер со стороны залива, налетающий с гор вразрез волнам, всегда подымает в открытом море сильную зыбь. Чтобы укрыть корабли от налетающих с моря шквалов, устроен был искусственный бассейн, сообщавшийся с морем узким каналом. Набережные, мол, сложенные из огромных каменных глыб, существуют и поныне, безмолвно дожидаясь того уже недалекого дня, когда Селевкия вновь станет тем, чем она была когда-то,— одной из важнейших узловых станций земного шара. Посылая в последний раз рукой привет братьям, собравшимся на черном песке отмели, Павел видел прямо перед собой красивую дугу берега, образуемую устьем Оронта, справа — симметрический конус Касия, с которого триста лет спустя поднялся к небу дым последней языческой жертвы; слева — разорванные склоны горы Корифея; за ней, под самыми облаками, снега Тавра и Киликийский берег, замыкающий собою залив Исса. То был торжественный час. Уже несколько лет как вышедшее из страны, которая стала его колыбелью, христианство, однако, еще не переступало пределов Сирии. А Сирию, всю целиком, вплоть до Амануса, евреи считали как бы входящей в состав Св. Земли, участницей ее прерогатив, обязанностей и религиозных верований. Именно в этот момент христианство действительно покинуло свою родную землю, отправляясь на завоевание мира.

Павел уже много странствовал, проповедуя слово Иисуса. Уже семь лет прошло с тех пор, как он стал христианином, и ни на один

день не остывало его усердие, его горячая вера. И все же отъезд его из Антиохии вместе с Варнавой знаменует собою решительный поворот в его жизни. С этого момента для него начинается жизнь апостола, в которой он проявил беспримерную энергию, невиданную страстность и рвение.

В те времена путешествия были делом весьма трудным, если ехать не морем. Павел, по-видимому, почти все время шел пешком, питаясь, без сомнения, хлебом, овощами и молоком. Сколько лишений в этой скитальческой жизни, сколько испытаний! Поэтому, когда возможно, он предпочитал путешествовать морем.

Здешние моря очаровательны, когда они спокойны, но им свойственны внезапные, безумные капризы; в таких случаях единственное спасение — выбраться на берег, уцепиться за какой-нибудь обломок. Гибель подстерегала путника со всех сторон. Труды и раны, и темницы,— все это он испытал «в изобилии»,— говорит о себе сам апостол,— «многократно был при смерти. От Иудеев пять раз мне было дано по сорока ударов без одного; три раза меня били палками; однажды камнями побивали; три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл в глубине морской; много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями. В труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе» — вот моя жизнь. Апостол писал это в 56 году, когда до конца его испытаний было еще далеко — еще около десяти лет предстояло ему вести эту жизнь, для которой только смерть могла быть достойным венцом.

Во всех почти путешествиях у апостола Павла были товарищи, спутники, но он систематически отказывал себе в облегчении, из которого другие апостолы, в особенности Петр, извлекали большое утешение и помощь, а именно — в подруге апостольского служения и его трудов. Его отвращение к браку осложнялось еще деликатностью,— он не хотел навязывать церквам лишнюю обузу — кормить двух человек. Варнава следовал его примеру. Павел часто возвращается к мысли, что он ничего не стоит церквам. Он находит вполне справедливым, чтобы апостол жил за счет общины, и «наставляемый делился всяким добром с наставляющим», но сам он вкладывает в это известную утонченность; он не хочет пользоваться и тем, что почитает законным. Он поставил себе за правило и соблюдает его,— за одним исключением — кормиться исключительно своей работой. Для Павла это был вопрос морали и благого примера. Повсюду, где Павел основывался сколько-нибудь прочно или хотя бы останавливался на несколько дней, он брался за свое ремесло — делание палаток. Когда Павел и другие апостолы отправились в свое первое благовестническое путешествие христианство уже получило быстрое распространение, что было бы необъяснимо без упоминания о синагогах, которыми было покрыто побережье Средиземного моря. Эти синагоги обыкновенно не бросались в глаза; с виду это были обыкновенные дома. Прибыв в такую общину, обыкновенно радушно принятый апостол дожидался субботы, чтобы вместе с другими отправиться в синагогу. Таков уж был обычай: захожего человека, казавшегося ученым или особенно ревностным к вере, обыкновенно приглашали сказать несколько поучительных слов. Пользуясь этим обычаем, апостол излагал христианское учение. Совершенно так же поступал и Иисус. В первый момент общим чувством было чувство удивления. Оппозиция обнаруживала у себя, уже некоторое время спустя, появление обращенных. Тогда начальники синагоги, случалось, прибегали к насилию: подвергали апостола тяжелому и постыдному наказанию, положенному для еретиков, или

же жаловались властям на новатора, и его изгоняли или били палками. К язычникам апостол обращался с проповедью уже после евреев.

Эти странствия евангелистов дышат юностью сердца, в которой было что-то новое, оригинальное, чарующее.

«Деяния апостолов» — книга радости, пылкой и ясной веры. В этой книге дышит утренний ветерок, она вся пропитана запахом моря, весело бодрящим. Это был второй поэтический период христианства. Первый — был пережит на Тивериадском озере и на рыбачьих лодках. Затем более мощный ветер, стремление к более отдаленным краям вынесли апостолов в открытое море.

Первое место, где пристали три благовестника, был остров Кипр, древний край со смешанным населением, где греческая и финикийская расы, вначале жившие бок о бок, под конец почти слились в одно. Кипр — родина Варнавы, и это обстоятельство, несомненно, сыграло видную роль в выборе маршрута путешественников. На Кипре уже были посеяны семена христианской веры, во всяком случае, новая религия насчитывала в лоне своем многих киприотов. Еврейских кварталов здесь было много.

Апостол Павел и его спутники вышли на берег в древнем порту — Саламине — и прошли весь остров с востока на запад, наклоном к югу, по всей вероятности, вдоль берега. Эта часть острова была населена главным образом финикиянами; здесь были расположены города Киттиум, Амофонт, Пафос, древние семитические центры, еще не утратившие своей самобытности. Павел и Варнава проповедовали в еврейских синагогах. Из этого путешествия нам известен один только эпизод, имевший место в Нео-Пафосе, городе новейшего происхождения, выросшем в некотором отдалении от старого Пафоса, прославившегося культом Венеры. По-видимому в это время Нео-Пафос был резиденцией римского проконсула, правившего островом Кипром. Этот проконсул был Сергий-Павел, потомок славного рода, по-видимому, как это нередко бывало с римлянами, он не прочь был позабавиться верованиями и суевериями той страны, куда его забросила судьба. Он держал при себе еврея, по имени Вариисус, который выдавал себя за волхва, величая себя Елимой. Вариисус оказывал Павлу и Варнаве всяческое противодействие.

Предположение Иеронима, что Савл именно в честь проконсула Сергия-Павла нарек себя Павлом, не что иное, как произвольная догадка; однако в этой догадке нет ничего невероятного. Действительно, именно с этих пор автор «Деяний» всюду называет Савла Павлом.

Возможно также, что у Павла было два имени и что с того момента, как апостол вступил в более непосредственные и систематические связи с языческим миром, он стал носить только одно имя — Павла.

Довольные сделанным на Кипре, апостолы решили перебраться на соседний берег Малой Азии. Из провинций этой страны одна только Киликия уже слышала проповедь нового учения и обладала церквами. Географический район, который зовется Малой Азией, не представлял собою чего-либо единого и нераздельного. Он состоял из стран, глубоко различных в расовом и социальном отношении. Западная часть полуострова и весь берег еще в глубокой древности были захвачены вихрем цивилизации, для которой Средиземное море стало внутренним морем. Со времени упадка Греции и Египетского царства Птоломеев эти страны слыли самыми образованными из всех известных в ту пору, или по крайней мере производившими наиболее людей, выдвинувшихся в литературе. Во главе прогресса, как теперь выражаются, стояли Ассийская провинция и древнее царство Пергам. Но в центральной части полуострова цивилизация не сделала особенных успе-

хов; здесь продолжали держаться местных обычаев, как в древние времена. Здесь еще сохранились некоторые местные наречия. Дороги здесь были в очень плохом состоянии.

Малая Азия после Палестины была религиознейшей в мире страной: целые области, как, например, Фригия, и города, как, например, Тиан, Веназ, Кумы, Кесария Каппадокская, Назианз, были всецело охвачены мистицизмом. Во многих местах священники были почти неограниченными владыками.

Политической жизни здесь не осталось и следа. Все города наперерыв пресмыкались перед цезарями и римскими чиновниками, добиваясь звания «друга цезаря». Города с ребяческим тщеславием оспаривали друг у друга пышные наименования «метрополии», «славного города» и т. п., жалуемые императорскими рескриптами. Страна эта покорилась римлянам без кровопролитной борьбы, по крайней мере без народного сопротивления. Ее история не упоминает ни об одном политическом восстании. Цивилизация распространялась здесь с поразительной быстротой. Повсюду мы видим следы благодетельного воздействия Клавдия и благодарности к нему населения, лишь изредка нарушавшиеся отдельными вспышками мятежа. Здесь было не то, что в Палестине, где старинные учреждения и глубоко укоренившиеся обычаи вызывали упорное сопротивление. За исключением Исаврии, Писидии, некоторых местностей Киликии, еще сохранивших слабую тень независимости, и, до известной степени, Галатии, в стране угасло всякое национальное чувство. Собственной династии у нее никогда и не было. Старые провинции: Фригия, Лидия, Кария, в былое время отличавшиеся каждая ярко выраженной индивидуальностью, давно умерли как политические единицы. Искусственно созданные царства: Пергам, Вифиния, Понт также умерли. Весь полуостров отдался под владычество римлян.

Культ императора, в особенности Августа и его супруги Ливии, были господствующей религией Малой Азии. Повсюду воздвигались храмы этим земным богам, совместно с другим божеством — Римом. Из жрецов Августа, сгруппированных по провинциям, с первосвященниками во главе (нечто вроде митрополитов или примасов), впоследствии составилось духовенство, организованное наподобие того, как организовалось при Константине христианское духовенство. Политическое завещание Августа сделалось чем-то вроде священного текста, всенародного поучения, вырезанного и увековеченного на прекрасных памятниках для того, чтобы сделать его одинаково доступным для взоров всех. Города и племена охотно присваивали себе эпитеты, доказывавшие, что они свято хранят память о великом императоре. Во всем этом было и раболепство и низость, но больше всего сознание, что началась новая эра счастья, неведомого дотоле и после того в течение многих веков остававшегося безоблачным. Дионисий Галикарнасский, быть может, своими глазами видевший покорение родной страны, написал римскую историю, в которой восхвалял перед своими соотечественниками превосходство римского народа, доказывая им в то же время, что этот народ одной с ними расы, и, следовательно, они являются до известной степени участниками его славы. После Египта и Киренаики больше всего евреев было в Малой Азии. Они составляли здесь могущественные общины, ревниво оберегавшие свои права, чуть что крича о преследовании, усвоившие себе несносную привычку то и дело обращаться с жалобами в Рим, ища протекции вне родного города. Они добились от римского правительства надежных гарантий и, в сущности, находились в привилегированном положении, сравнительно с другими классами населения. Они не только свободно исповедовали свою веру, но и были освобождены от многих общих для всех повинностей, как они уверяли, противных их совести. Римляне

в этих провинциях очень благоволили к ним и в спорах евреев с туземными жителями первые всегда оказывались правыми.

Отплыв из Нового Пафа, три благовестника двинулись по направлению к устью Цестра, в Памфилию, и, поднявшись вверх по течению, прибыли в Пергию, большой цветущий город, где процветал древний культ Дианы, почти столь же известный, как и культ Дианы Ефесской. Этот культ имел много общего с пафосским культом, и возможно, что именно этими постоянными сношениями двух городов, поддерживавших между собой правильное водное сообщение, и обуславливался маршрут апостолов. Вообще два параллельных берега — Кипра и Малой Азии — как бы перекликаются один с другим. Оба заселены народами семитического происхождения, к которым примешалось много различных элементов и которые, вследствие этого, значительно утратили свой первоначальный характер.

В Пергии произошел разрыв между Павлом и Иоанном, прозванным Марком. Иоанн-Марк покинул апостолов и вернулся в Иерусалим. Разрыв этот, без сомнения, был тягостен для Варнавы, так как Иоанн-Марк был его родственником. Но Варнава не оставил своего намерения пройти насквозь всю Малую Азию. Двое апостолов, все больше углубляясь внутрь страны и все время идя по направлению к северу между бассейнами Цестра и Эврималона, прошли Памфилию, Писидию и добрались до пределов гористой Фригии. Путь был опасный и трудный. В этом лабиринте гор и крутых горных отрогов жили варварские племена, лишь отчасти укрощенные римлянами и промышлявшие разбоем. Павла, привыкшего к холмам Сирии, несомненно, должны были поражать эти романтические картины горной природы, с озерами и глубокими долинами.

В первую минуту дивишься, почему апостолы шли таким странным путем, держась вдали от больших центров и наиболее модных дорог. Без сомнения, и в этот раз они опять шли по следам еврейских эмигрантов. В Писидии и Ликаонии были города, как, например, Икония и Антиохия Писидийская, где давно уже осели большие еврейские колонии. Вдали от Иерусалима, чуждые влияниям палестинского фанатизма, здешние евреи жили в ладу с язычниками и многих из них обращали в свою веру. Эти последние ходили в синагогу, смешанные браки тоже не были редкостью. Павел еще в Тарсе мог узнать, как выгодно сложились здесь условия для насаждения и процветания новой веры. От Тарса рукой подать до Дервии и Листры. Возможно, что у Павловой семьи были в этой стороне родственные связи и знакомства или по крайней мере подробные сведения об этих отдаленных местностях.

Отправившись из Пергии, двое апостолов прибыли в Антиохию Писидийскую, или Антиохию Кесарию, находившуюся в самом центре высоких горных плато полуострова. Эта Антиохия не имела, как город, большого значения, пока Август не возвел ее в ранг римской колонии, не дал ей италийского права. Тогда она сильно разрослась и отчасти изменила свой характер. До сих пор это был город священников, вроде Кум; прославивший его храм с богатыми угодьями и легионами гиеродул был разрушен римлянами за 25 лет до Рождества Христова. Но существование этого храма, как это всегда бывает, оставило глубокий след в жизни и нравах населения. Без сомнения, вслед за римской колонией и евреи потянулись в Антиохию Писидийскую.

В субботу оба апостола, по обыкновению, отправлялись в синагогу. После чтения Закона и Пророков начальники синагоги, заметив двух чужестранцев, по-видимому благочестивых, послали спросить их, не желают ли они обратиться к народу с назидательным словом. Павел стал говорить: рассказал о тайне рождения Иисуса, о его кре-

стной смерти и воскресении. Он произвел сильное впечатление, и апостолов просили повторить проповедь в следующую субботу. По выходе их из синагоги, за ними пошла целая толпа иудеев и обращенных из язычников, и всю неделю Павел с Варнавой усердно проповедовали народу. Об этом прослышало языческое население города и возгорелось любопытством.

В следующую субботу весь город собрался в синагоге, но настроение правоверных иудеев за эту неделю совсем изменилось. Они уже раскаивались в обнаруженной ими в прошлую субботу терпимости. Эти толпы язычников, сбежавшихся послушать проповедь новой веры, раздражали еврейских нотаблей; начался диспут, вперемежку с бранью. Павел и Варнава стойко выдержали бурю; но все-таки им не дали говорить в синагоге, и они ушли, протестуя: «Вам первым надлежало быть проповедано слову Божию, но как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот мы обращаемся к язычникам». Действительно, начиная с этого момента Павел все более и более убеждался, что будущее принадлежит не иудеям, а язычникам, что посев на нетронутой почве принесет гораздо более обильные плоды: что Бог нарочито избрал его апостолом всех языков, для того чтобы он возвестил народам спасение от края до края земли. Его великая душа обладала особым свойством: раскрываться и расширяться без конца.

Языческое население отнеслось с полным сочувствием к проповеди новой веры. Многие обратились и сразу стали прекрасными христианами. Как мы увидим далее, то же самое было в Филиппах, в Александрии Троадской и вообще в римских колониях. Для этих добрых и религиозных людей более отвлеченный, очищенный от суеверий культ имел неотразимую привлекательность; это сказывалось до сих пор в обращениях в иудейство, теперь сказалось в обращениях в христианство. Несмотря на свой странный культ, может быть, именно в виде реакции против этого культа, население Антиохии, как и большая часть населения Фригии, обнаружило склонность к монотеизму. Новая религия, не требовавшая обрезания и не принуждавшая к исполнению разных мелких, докучных обрядов, пришлась больше по душе благочестивым язычникам. Поэтому они скоро отдали ей предпочтение. Эти глухие углы, затерянные в горах, ничем не знаменитые в истории и ни для кого не представлявшие большого значения, были превосходной почвой для посева новой веры. Здесь образовалась довольно многочисленная церковь, и Антиохия Писидийская стала центром, откуда новое учение засияло яркими лучами далеко вокруг.

Успех новой проповеди среди язычников окончательно привел в ярость иудеев. Против благовестников начались интриги, образовался целый заговор. Некоторые из самых влиятельных в городе женщин перешли в иудейство. Правоверные иудеи убедили их добиться от своих мужей изгнания Варнавы и Павла. И в самом деле, оба апостола были изгнаны указом городских властей из города и из пределов всей Антиохии Писидийской.

По обычаю апостолов, изгнанники, уходя из города, отрясли прах от ног своих. Затем они направились в Ликаонию и после пяти дней пути по плодородной стране пришли в город Иконию. Ликаония, подобно Писидии, была заброшенным уголком, мало известным и сохранившим свои древние обычаи. В жителях ее еще не угасло чувство патриотизма, нравы здесь были чисты, люди серьезны и честны. Икония была городом древних верований и старых традиций — традиций, во многих отношениях приближавшихся к иудейским. Город, до тех пор очень небольшой, в момент прибытия Павла только что получил или должен был получить от Клавдия титул колонии. Крупный римский чиновник Луций-Пупий-Презенс — прокуратор Галатии именовал себя

вторым основателем этого города и заменил его древнее имя новым — Клавдии, или Клавдиконии.

Без сомнения, благодаря этому обстоятельству евреев здесь было много — и еще больше иудействующих. Павел и Варнава стали говорить в синагоге, образовалась церковь. Икония, в свою очередь, стала центром апостольской деятельности, и апостолы оставались здесь долго. Они имели здесь большой успех. Они обратили многих евреев и еще больше язычников, проповедуя вне синагоги симпатичному туземному населению, которого уже не удовлетворяли старые религии. Нравственная чистота учения Христа восхищала добрых ликаонян.

Буря негодования иудеев, принудившая апостолов покинуть Антиохию Писидийскую, выгнала их и из Иконии. Правоверные иудеи агитировали среди языческого населения, восстанавливали его против благовестников. Город разделился на два лагеря. Апостолов хотели побить каменьями. Они бежали, покинув столицу Ликаонии.

Икония расположена вблизи периодически высыхающего озера у окраины большой степи, занимающей всю центральную часть Малой Азии и до тех пор не поддававшейся никаким попыткам цивилизации. До тех пор собственно в Галатию и Каппадокию путь был закрыт. Павел и Варнава пошли в обход вокруг подножия бесплодных скал, с юга полукругом обступивших равнину. Эти горы не что иное, как северный отрог Тавра; но так как центральная равнина сильно приподнята под уровнем моря, Тавр в этом месте достигает лишь незначительной высоты. Местность здесь скучная, однообразная, почва то болотистая, то песчаная или растрескавшаяся от зноя, имеет безотрадно унылый вид. Лишь громада потухшего вулкана, который теперь зовется Карадагом, образует как бы остров посреди этого бесконечного моря пустыни.

Теперь поприщем деятельности апостолов сделались два маленьких безвестных городка, Листра и Дервия.

Теперь даже трудно с точностью определить, где именно они находились. Затерянные в долинах Карадага среди бедных племен, занимавшихся скотоводством, у подножия гор, служивших притоном и убежищем знаменитым в древности разбойникам, эти два городка были настоящими захолустьями. Цивилизованному римлянину, случайно попавшему туда, казалось, что он очутился среди дикарей, говорили здесь на ликаонском наречии. Евреев здесь было мало. Клавдий, основав колонии в неприступных ущельях Тавра, внес в этот обездоленный край порядок и безопасность, какие ему и во сне не снились.

Листре первой довелось услышать евангельскую проповедь. Здесь произошел странный инцидент. В первое время пребывания апостолов в этом городе распространился слух о чудесном исцелении Павлом хромого от рождения. Здешние жители, любители чудесного, были страшно поражены и вообразили, что к ним сошли на землю сами боги в человеческом образе. Вера в то, что боги время от времени спускаются на землю, была весьма распространена в особенности в Малой Азии.

Древнее фригийское предание, освященное храмом, годовым праздником и красивыми легендами, гласило, что именно таким образом путешествовали по земле Зевс и Ермий (Гермес). Поэтому апостолов приняли именно за этих двух богов. Варнаву, который был выше ростом и крупнее Павла, называли Зевсом; Павла, который был красноречивее — Ермием. У городских ворот находился храм, посвященный Зевсу. Жрец этого храма, узнав, что его бог сошел на землю и появился в городе, счел долгом совершить торжественное жертвоприношение. Уже были приведены быки и фронтон храма украшен венками, когда прибежали Варнава и Павел, раздирая на себе одежды и уверяя, что

они не боги, а люди. Эти языческие народы, как мы уже говорили, придавали чуду совсем иное значение, чем евреи. Для этих чудо было доказательством истинности учения; для тех — непосредственное откровение божества.

В Листре совсем не было или было очень мало евреев, родом из Палестины, апостолы долго жили здесь спокойно. Одно из семейств этого города стало центром и рассадником самого высокого благочестия. Семейство это состояло из старухи бабушки по имени Лоиды, матери Евники и юноши, сына, который звался Тимофеем. Обе женщины, без сомнения, были обращенными в иудейство язычницами. Евника была замужем за язычником, которого, по всей вероятности, уже не было на свете, во время прибытия в город Павла и Варнавы. Тимофей рос между этими двумя женщинами, воспитываемый в чувствах глубокой набожности и усердия к вере, посвящая все свое время изучению Священного Писания; но как это часто бывало с самыми благочестивыми прозелитами, родители не позаботились образовать его. Павел обратил в христианство обеих женщин, а они, в свою очередь, обратили Тимофея, которому было тогда, вероятно, лет около 15.

Слух об этих обращениях достиг Иконии и Антиохии Писидийской. Иудеи в этих двух городах снова распалились гневом против апостолов и отправили в Листру нескольких человек нарочно для того, чтобы взбунтовать против них народ. Фанатики схватили Павла, выволокли его за город, побили каменьями и бросили полумертвого в поле. На помощь ему пришли ученики; раны оказались не серьезными; апостол вернулся в город, по всей вероятности, ночью и на другое утро вместе с Варнавою отправился в Дервию.

Здесь они опять-таки прожили долго и многих обратили ко Христу. Эти две церкви — в Листре и Дервии — были первыми церквами, состоявшими почти исключительно из язычников. Легко себе представить, как должны были различаться между собою эти церкви и палестинские, основанные в лоне чистого иудаизма или хотя бы антиохийская, выросшая на иудейской закваске и в обществе, уже иудействующем. Здесь обращались совершенно нетронутые души, очень религиозные, но с воображением, направленным совсем в иную сторону, чем у сирийцев. До тех пор христианская проповедь оказывалась плодотворной лишь в больших городах, где жило много ремесленников. С этого момента появляются церкви и в небольших городах. Ни Икония, ни Листра, ни Дервия не представляли собой достаточно крупных центров для того, чтобы в них могли образоваться церкви — рассадники веры, наподобие коринфской и ефесской. Павел обыкновенно называл своих последователей в Ликаонии по имени той провинции, где они жили, а провинцией этой была «Галатия», понимая это имя в том административном смысле, какой ему придавали римляне.

Итак, провинция, обозначаемая под именем Галатии, по крайней мере, при первых цезарях, заключала в себе: 1. Собственно Галатию; 2. Ликаонию; 3. Писидию; 4. Исаврию; 5. Гористую Фригию с городами Апполонией и Антиохией. Такое положение вещей упрочилось надолго. Столицей этого огромного целого, обнимающего собой почти всю центральную часть Малой Азии, был город Анцира. Римляне не прочь были менять таким образом древние географические названия и границы, создавая произвольные административные группы, для того чтобы разбить состав известной национальности и расстроить связь воспоминаний.

Павел имел привычку обозначать каждую страну ее административным именем. Страна, где он проповедовал Евангелие, от Антиохии Писидийской до Дервии, для него была «Галатией», а христиане этой страны «галатами». Это имя навсегда было ему особенно дорого.

Галатийские церкви были из тех, к которым апостол питал особенную нежность и которые, в свою очередь, любили его. Одним из самых ярких впечатлений его апостольской жизни было воспоминание о дружбе и преданности, которое он нашел у этих добрых людей. Некоторые обстоятельства еще удвоили живость этих воспоминаний. По-видимому, в период своего пребывания в Галатии, апостол не редко испытывал приступы слабости или болезни, и почтительная заботливость его верных прозелитов трогала его до глубины души. Перенесенные вместе гонения довершили дело, создав между ними прочную связь. Таким образом, маленький ликаонский центр получил крупное значение; апостол Павел любил возвращаться к своему первому детищу, оттуда же он впоследствии вывел своих самых верных спутников: Тимофея и Гая.

Уже четыре или пять лет апостол вращался, таким образом, в довольно тесном кругу. В то время он не столько думал о дальних и быстрых путешествиях, под конец жизни ставших его страстью, сколько о том, чтобы упрочить основанные им церкви так, чтобы они могли служить ему точкой опоры. Не известно, поддерживал ли он за это время сношения с антиохийской церковью, откуда он был послан на служение. В нем пробуждалось желание увидеть эту церковь — мать. Он решил навестить ее и еще раз прошел в обратном направлении уже однажды пройденный путь: Листру, Иконию, Антиохию Писидийскую. Апостолы вторично посетили эти города, снова подолгу жили в них, утверждая верных в вере, призывая их к стойкости, к терпению, уча их, что лишь многими скорбями можно войти в царствие Божие. Уклад этих отдаленных церквей, впрочем, был очень несложен. В каждой церкви апостолы рукополагали пресвитеров. Церемония прощания бывала трогательна. Назначали общий пост, молитву, после чего благовестники поручали верных Богу и двигались дальше.

Из Антиохии Писидийской апостолы снова пришли в Пергию, где на этот раз проповедовали, по-видимому, успешно. Города паломничеств и процессий нередко оказывались благоприятной почвой для апостольской проповеди. Из Пергии они отправились в Атталию, большой порт в Памфилии, и там сели на корабль, доставивший их в Селевкию; а из Селевкии вернулись вновь к исходной точке своего пути, в великую Антиохию, откуда они, пять лет тому назад, «были преданы благодати Божией».

Поприще их благовестничества было не слишком обширно. Они прошли остров Кипр в длину и часть Малой Азии по ломаной линии. Это был первый пример такого рода благовестнического путешествия; ничего не было налажено, организовано. Павлу и Варнаве приходилось преодолевать много внешних препятствий и трудностей. Они по необходимости не могли бросить своего ремесла и принуждены были останавливаться, чтобы заняться им, приспосабливаясь к местности, где они находили работу. Отсюда проволочки, периоды застоя. Несмотря на множество препятствий, это первое благовестническое путешествие дало огромные результаты. Когда Павел сел на корабль, чтобы отплыть обратно в Антиохию, главное уже было сделано, — им уже было основано несколько церквей из язычников.

Малой Азии суждено было сделаться второй колыбелью христианства. После невзгод, которые вскоре затем пришлось пережить церквам Палестины, она стала главным очагом евангельской веры, ареной ее важнейших переживаний.

Р. К.

Заседание расширенного Президиума ВСЕХБ

ЭКЗЕГЕТИЧЕСКИЙ РАЗБОР ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ИОАННА

Глава 4

Возьмем отдельные периоды жизни нашего Господа Иисуса Христа на земле.

Вот большой тридцатилетний период Его жизни в Назарете, о котором мы знаем одно, что там Он был «в повиновении у родителей — Иосифа и Марии, и преуспевал в премудрости и в возрасте и в любви у Бога и человеков» (Ев. Лук. 2, 51 и 52).

Второй период Его жизни — это Его деятельность в Иудее. Начинается этот период с Его крещения и исполнения Духом Святым. Сорок дней Он провел в пустыне, где Он был искушаем диаволом. Затем Он приобретает пять первых Своих учеников: Андрея, Иоанна, Петра, Филиппа и Нафанаила. С ними Он идет в Галилею, в Кану Галилейскую, где совершает Свое первое чудо, и затем в Капернаум, который становится главным местопребыванием Христа в Галилее.

Наступило время для благовествования Христа о Царствии Божием. Как же Он будет совершать это великое дело? В каком порядке и с чего начнет? Мы знаем слова Христа, сказанные апостолам перед Его вознесением. Прочтем эти слова в Деян. Ап. 1, 8: «Вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой, и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее, и в Самарии и даже до края земли».

Итак, маршрут для благовествования Евангелия намечен Христом очень ясно и определенно: Иерусалим, Иудея, Самария, Галилея и далее до краев земли.

Этот же маршрут избирает Христос и для Своего благовествования. После чуда в Кане Галилейской Он идет на праздник Пасхи в Иерусалим (Ев. Иоан. 2, 13).

Здесь, в Иерусалиме, Он совершает очищение храма. Это событие привлекло большое внимание иудеев ко Христу. А когда Он совершил в Иерусалиме ряд чудес, то многие уверовали во имя Его, в том числе и некоторые из начальников иудейских.

Один из них, именем Никодим, имел благословенную ночную беседу со Христом, после которой он стал тайным учеником Его.

Так Христос начал дело благовествования Евангелия с Иерусалима.

Из Иерусалима Он идет в «землю Иудейскую», и здесь, на берегах реки Иордана, Он продолжает дело проповеди Евангелия приходящему к Нему народу. В результате многие уверовали в Него и были крещены Его учениками.

Проповедь Христа в земле Иудейской звучала восемь или девять месяцев. Три первых Евангелия — Матфея, Марка и Луки — почти ничего не говорят об этом периоде деятельности Христа в Иудее.

В этом, между прочим, также заключается разница между Евангелиями Матфея, Марка и Луки, с одной стороны, и Евангелием

Иоанна, с другой стороны: Матфей, Марк и Лука свидетельствуют о деятельности Христа главным образом в Галилее, а Иоанн — о деятельности Христа главным образом в Иудее.

Но вот, в Иудее начала раньше времени появляться тень Голгофы. Фарисеи, услышав, что Христос приобретает даже более учеников, нежели Иоанн Креститель, встревожились, и в их головах появились впервые сатанинские помыслы — покончить с Иисусом и убрать Его со своего пути, то есть убить Его. Тогда Христос решил оставить Иудею и пошел в Галилею.

Так начался третий период в жизни Христа: период Его деятельности в Галилее.

Но в маршруте благовествования Евангелия после Иерусалима и Иудеи значится Самария. И мы читаем в Евангелии Иоанна 4, 3—5: «Оставил Иудею и пошел в Галилею. Надлежало же Ему проходить через Самарию. Итак, приходит Он в город Самарийский, называемый Сихарь»... А ведь из Иудеи в Галилею был и другой путь — по берегу Иордана.

Почему же Христос избирает путь в Галилею через Самарию? Потому что в Божьем плане благовествования порядок такой: Иерусалим, Иудея, Самария и далее. И вот Христос в Самарии. Он в маленьком самарийском городке Сихаре. Он у колодезя Иаковлева. Утрудившись от пути, Он сел около него. Он один... Его ученики пошли в город купить пищи. Время около шестого часа; это самое тихое время у колодца Иаковлева. В это время люди не приходят к нему за водой. Что Ты, Христос, намерен делать здесь, в этой тишине, в этом безлюдье? Здесь нет ни души — кому же Ты будешь благовествовать?

Но вот к колодцу приближается быстрым шагом молодая женщина с водоносом на плече. Это безымянная, но знаменитая самарянка — первая в будущем благовестница Евангелия в Самарии.

Почему же она идет за водой к колодцу не в урочный час, как все другие? О, она за свою порочную жизнь находится в таком презрении у всех своих сограждан, что она не дерзает встречаться с ними в те часы, когда они обычно приходят за водой к колодцу. Она ходила за водой так, чтобы ни с кем не встретиться у колодца. И вдруг перед нею человек... Женщины обладают удивительным свойством: в одну минуту увидеть то, что мужчина не увидит за целый час. Она в одно мгновение разглядела и одеяние незнакомца, и его внешний облик и из всего, что увидела, сделала правильный вывод, что сидящий у колодца незнакомец — иудей. Она не приветствует Его... Она делает свое дело: наполняет водой свой водонос и намерена направиться домой. Тогда Христос говорит ей: «Дай Мне пить!»

Конечно, Христос в этот момент жаждал физически, как физически Он жаждал и на кресте, когда сказал: «Жажду!» Но это первое из семи слов, сказанных Христом самарянке, имело более глубокое значение, а именно: этим словом Христос сказал самарянке, что хотя Он иудей, но не признает никаких перегородок, разделяющих иудеев с самарянами. Для Христа были одинаково дороги как благочестивый иудей Никодим, так и развращенная полуязычница самарянка.

Самарянку просьба Христа очень удивила, и она сказала Ему: «Как Ты, будучи иудей, просишь пить у меня, самарянки? Ибо иудеи с самарянами не сообщаются?»

У колодца Иаковлева произошел знаменитый разговор, полный глубочайшего духовного содержания. Христос сказал самарянке семь замечательных слов. Мы знаем Его семь замечательных слов на кресте. Мы должны знать и эти семь слов Его, сказанные самарянке.

Что же сказал Христос самарянке? Превратим диалог у колодца Иаковлева в монолог Христа.

Первое слово Христа мы уже знаем: «Дай Мне пить!»

Второе слово Христа: «Если бы ты знала дар Божий и кто говорит тебе: «Дай Мне пить!», то ты сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе воду живую».

Третье слово Христа: «Всякий, пьющий воду сию, возжаждет опять, а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную».

Четвертое слово Христа: «Пойди, позови мужа твоего и приди сюда».

Пятое слово Христа: «Правду ты сказала, что у тебя нет мужа: ибо у тебя было пять мужей, и тот, которого ныне имеешь, не муж тебе; это справедливо ты сказала».

Шестое слово Христа: «Поверь Мне, что наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу; вы не знаете, чему кланяетесь, а мы знаем, чему кланяемся, ибо спасение от иудеев. Но настанет время и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе. Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине.

Седьмое слово Христа: «Это Я, Который говорю с тобою».

Эти семь слов Христа привели самарянку к новой жизни, к вере во все то, что Он ей сказал. А Он сказал ей об источнике воды живой, который утоляет жажду человеческого сердца навсегда, навеки. Он сказал ей о ее печальной греховной жизни, чем привел ее к вере в то, что Он — пророк. Он сказал самарянке, что Бог есть дух и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине. Отпадает значение Иерусалима и горы Гаризим, ибо Бог на всяком месте. И, наконец, Христос сказал ей; «Это Я». Это Я — Источник воды живой! Это Я — Бог, Которому должны поклоняться в духе и истине. Это Я — Мессия!

Стих 28: «Женщина оставила водонос свой»... Все в Священном Писании говорит к нашему сердцу: и простой глиняный водонос самарянки имеет свой язык. Оставленный у колодца своей хозяйкой, он говорит о том, что самарянка, пробудившись духовно, уже начала служить своему небесному благодетелю — Христу.

Он жаждет, Он только что просил у нее пить. Да и ученики Его жаждут; и она оставляет им свой водонос с водой.

Где пробуждение и возрождение, там искание послужить Христу и Его детям, хотя бы простым водоносом с водой.

Но оставленный самарянкой у колодца водонос говорил и о том, что она вернется к колодцу. Может быть, она приведет ко Христу того, о котором Он ей сказал: «Тот, которого ныне имеешь, не муж тебе». Да, она приведет его к колодцу, ко Христу, но не только его — она приведет к Нему многих жителей своего города. Она скажет жителям своего города о той «живой воде», которую Христос излил в ее порочное сердце и сделал его чистым. Она скажет им о Пророке, Который, не будучи с ней знаком, открыл ей все ее греховное прошлое. Она сама еще так мало знает о Христе, и проповедницей она не может быть. Но она может направить людей к колодцу, где они могут встретиться с Ним и так же услышать слова из Его уст, как услышала она. И весть ее к людям очень простая: «Пойдите, посмотрите Человека, который сказал мне все, что я сделала: не Он ли Христос?» Она знает, что Он Христос, то есть Мессия, но она хочет, чтобы жители ее города сами убедились в этом.

Где этот колодец, благодатный глубокий колодец, где мы можем иметь встречи со Христом? Это — Евангелие! На каждой странице его мы видим Христа в Его божественной глубине и полноте. Каждый

человек имеет возможность встречаться со Христом у этого благодатного колодца — Евангелия.

Пока самарянка обходила улицы своего города, направляя людей к колодцу, где находился Христос, у учеников с Учителем происходил разговор о пище.

Ученики предлагают Учителю утолить голод пищей, которую они принесли из города. А Христос полон заботы о душах самарян. Он только что утолил духовный голод самарянки, а оставленный ею водонос говорил о том, что сейчас придет к колодцу множество духовно голодных людей, которых надо напитать вечным хлебом жизни и напоить «водой живой».

И Христос говорит ученикам, что Его пищей является творить волю Небесного Отца и совершать дело Его — дело утоления духовного голода людей.

Как же самаряне откликнулись на приглашение самарянки пойти и посмотреть Христа? Мы читаем в ст. 30: «Они вышли из города и пошли к Нему»... Христос, видя их, идущих к Нему желтеющими полями, назвал их «нивами, побелевшими и поспевшими к жатве» (ст. 35). Прекрасный образ избрал Христос для людей, слушающих Евангелие — образ нивы. Нива — это поле, на котором совершается двоякая операция: сперва посев, потом жатва.

Христос говорит, что человеческое сердце — тоже нива, поле, где совершаются эти же две операции: посев и жатва.

Посев — это проповедь Евангелия; жатва — это приведение души к ногам Христа, к подножию Голгофского креста. Христос говорит, что и посев и жатва сопровождаются радостью. Он говорит: «Сеющий и жнущий вместе радоваться будут». Затем Христос говорит как будто странные слова: «Я послал вас жать то, над чем вы не трудились; другие трудились, а вы вошли в труд их». Как понимать эти слова? Это пророческие слова в отношении Самарии, а именно: кто-то потрудится ревностно в Самарии, кто-то будет благословенным сеятелем там, а некоторые из апостолов будут пожинать там то, над чем они не трудились; другие трудились, а они войдут в труд их. Когда же произойдет это? Прочтем Деян. Ап. 8, 5—25. Потрудился в Самарии Филипп, самоотверженно совершая посев Евангелия в душах самарян. А его благословенный труд завершили апостолы Петр и Иоанн.

Но и здесь, у колодца Иаковлева, была пожата обильная жатва. Мы читаем в ст. 39: «И многие самаряне из города того уверовали в Него по слову женщины, свидетельствовавшей, что Он сказал ей все, что она сделала».

Стихи 43—45: Первой душой в Галилее, в которой Христос посеял божественное семя Евангелия, был царедворец. Из Ев. Луки 8, 3 мы узнаем его имя, должность при дворе царя Ирода, а также имя его жены. Прочтем это место: «Иоанна, жена Хузы, домоправителя Иродова»...

Итак, имя царедворца — Хуза; его должность — домоправитель Ирода; имя его жены — Иоанна. Какие чудные три снопа, пожатые Христом для Царствия Божия: Никодим в Иудее, самарянка в Самарии и царедворец Хуза в Галилее.

Как же произошло уверование царедворца во Христа? Как царедворец при дворе Ирода — человека, купавшегося в весьма грязных грехах — он был и сам, конечно, совершенно равнодушным к Богу человеком и без малейшего интереса к личности Христа. Ко Христу его привела великая скорбь. Заболел его единственный сын и заболел тяжело. Смерть витала над ним, и сердца родителей были в полном отчаянии. Если бы до болезни сына царедворец услышал, что Христос пришел из Иудеи в Галилею, он не обратил бы на это внимания — так мало интересовал его Христос.

Но теперь, когда ангел смерти распростер свои черные крылья над его любимым сыном, весть о приходе Христа была для него самой радостной вестью. И он пошел ко Христу. Развращенный двор царя Ирода смеялся над ним, но он не обращал на это внимания. Он мог впасть в немилость у своего господина — царя Ирода, но и на это он не смотрит. Он идет в Кану, где находился в это время Христос, и изливает пред Ним свою величайшую скорбь. Он просит Христа прийти и исцелить его сына.

Скорбь — великий путеводитель ко Христу! Сколько равнодушных ко Христу людей она повергла к ногам Спасителя мира!

Многие, подобно царедворцу, склонялись к ногам Христа почти без веры или лишь с самой маленькой искоркой веры в своем сердце. Но слава Христу, что Он «льна курящегося не угашает» и искорку веры превращает в пламя веры.

Что же говорит Христос царедворцу? Он говорит плачущему отцу: «Вы не уверуете, если не увидите знамений и чудес». Христос знает наше сердце, ищущее прежде всего «знамений и чудес», то есть даров, помощи, проявлений силы и сотворения чудес. А мы должны прежде всего увидеть Самого Христа, как величайшее чудо и знамение. Ведь чудо может быть совершено: сын царедворца мог силою Христа выздороветь, но сердце царедворца могло остаться все же без Христа. Вот об этом Христос и говорит царедворцу: ты ищешь у Меня исцеления для твоего умирающего сына, и Я могу совершить чудо исцеления. Но прежде всего,— говорит Христос царедворцу,— Я нужен тебе и дому твоему. О, если бы ты уверовал в Меня, независимо от чудес и знамений!

Понял ли царедворец Христа? Получив от Христа исцеление сына, поймет ли обрадованный отец, что для его полного счастья этого недостаточно. Поймет ли отцовское сердце, что исцеленный и спасенный от смерти сын может сделаться впоследствии источником многих слез как для него, отца, так и для матери?

Христос — Древо жизни, а все Его дары — плоды этого Древа. Мы ищем плоды Древа жизни, а нам нужно само Древо жизни!

Горе, если царедворец пришел ко Христу, чтобы с этого Древа жизни сорвать только один желанный для него плод: исцеление и спасение от смерти дорогого сына. Но мы увидим, что это не так. Мы увидим, что царедворец не захочет удовлетвориться только чудом Христа — чудом исцеления своего сына. Нет! Он приобретет и Самого Христа.

«Иисус говорит ему: пойди, сын твой здоров». То есть смерть не похитит у тебя сына, он останется при тебе. Я уже исцелил его!

Царедворец еще не дошел до дома, как узнает от слуг своих, вышедших ему навстречу, что сын его здоров и что горячка оставила его в тот момент, когда Христос сказал ему Свое властное, врачующее слово: «Пойди, сын твой здоров!»

Радость домоправителя Иродова Хузы и его жены Иоанны велика — не менее, чем радость начальника синагоги Иаира после воскрешения Христом его умершей дочери или радость Марии и Марфы после воскрешения их любимого брата Лазаря.

Но если до встречи со Христом Хуза был сосредоточен на самом дорогом сокровище своей жизни — своем сыне, то после встречи со Христом перед ним сияло еще более драгоценное сокровище — Христос. Достаточно было для Хузы короткой встречи со Христом, чтобы быть очарованным Им и сделаться навсегда Его преданным учеником. Если скорбь по умирающем сыне привела царедворца ко Христу, то чудо, совершенное Христом, убедило царедворца в том, что Христос — Мессия и Сын Божий. И он уверовал сам и весь дом его.

Посмотрим теперь на дальнейшую жизнь царедворца. Прочтем Ев. Луки 8, 1—3: «После сего Он проходил по городам и селениям,

проповедуя и благовествуя Царствие Божие, и с Ним двенадцать и некоторые женщины, которых Он исцелил от злых духов и болезней: Мария, называемая Магдалиною, из которой вышли семь бесов, и Иоанна, жена Хузы, домоправителя Иродова, и Сусанна, и многие другие, которые служили Ему имением своим».

Сам Хуза оставался при дворе Ирода и был, без сомнения, ярким светильником для всех придворных. После того как погас яркий светильник при дворе Ирода — Иоанн Креститель, засиял светом Христовым другой светильник — Хуза. А жена его Иоанна следовала за Христом и служила Ему имением.

Разве не было жертвой со стороны Хузы дарование возможности своей жене следовать за Христом? Из любви ко Христу он освобождал ее от домашних обязанностей, а также помогал через нее материально своему великому благодетелю и Учителю.

Что нас влечет ко Христу? Его дары или Он Сам?

Прочтем слова в книге пророка Аввакума 3, 17—18: «Хотя бы не расцвела смоковница и не было плода на виноградных лозах, и маслина изменила, и нива не дала пищи, хотя бы не стало овец в загоне и рогатого скота в стойлах; но и тогда я буду радоваться о Господе и веселиться о Боге спасения моего».

Нам дорог Сам Христос, независимо от Его даров. Я уверен, что и царедворец не расстался бы со Христом, даже если бы его сын не был исцелен. Очарованный красотою Христа, он пошел бы за Ним, даже если бы смерть сделала свое дело в его доме, унеся его любимого сына в могилу.

Глава 5

Мы видим в Вифезде великое множество больных. Не говорит ли иерусалимская Вифезда о другой, более обширной «Вифезде», о Вифезде, в которой находятся многие люди? Очень многие на земле страдают от той или другой физической болезни. Но Слово Божие говорит о людях, которые не знали никаких болезней. Это первые люди — Адам и Ева. Но незнание болезней продолжалось недолго: с падением в грех земля превратилась в «Вифезду» с великим множеством больных. Но Слово Божие говорит, что придет время, когда Вифезды «больше не будет», потому что «болезни уже не будет» (Откр. 21, 4).

Купальня Вифезда с целительной водой и божественный Врач Христос говорят нам о двух путях к исцелению от наших физических болезней.

Один путь — это пользование целительными водами, которыми богата земля, а также пользование лекарствами, которые в изобилии содержат растительный и минеральный миры. Целительные воды — это современные купальни «Вифезды» или, как они теперь называются, курорты — помогли тысячам и миллионам больных, и за них мы благодарили и будем благодарить великого Бога, Творца земли и всего, что в ней. Также и за лекарственный арсенал и за врачей, которые несут медицинскую помощь миллионам страждущих, больных людей, мы благодарим и будем благодарить Бога.

Но Господь и через молитву веры восстановил многих больных. Хвала Ему за это!

Стих 5: «Тут был человек, находившийся в болезни тридцать восемь лет». Какой застарелый недуг! Спросим любого врача, какую болезнь легче лечить — острую или хроническую, — и он нам скажет: конечно, острую легче лечить, чем хроническую. Так же обстоит дело и с нашими духовными недугами.

Жаждем ли мы исцеления? Жаждем ли мы освобождения от всех своих застарелых духовных недугов?

Знаем ли мы свою духовную болезнь? Больной в Вифезде знал свою болезнь. Но многие из нас не знают своих духовных болезней. Христос каждого из нас спрашивает: «Хочешь ли быть здоров?» А мы говорим Христу: в чем, Господи, заключается моя болезнь?

Многие из нас больны духом непримиримости. Мы не хотим простить нашего брата или сестры и носим обиду годами в нашем сердце.

Многие из нас больны фарисейским духом. Мы считаем себя лучшими, чем другие.

Всё это застарелые недуги, которыми мы больны, и годами больны. И мы должны возжелать всем сердцем нашим избавления от них. Но именно «всем сердцем».

Стих 16: «И искали убить Его»... Где же причина такой ненависти ко Христу? Евангелие говорит о двух основных причинах ненависти иудеев ко Христу: первая причина — Иисус творил дела любви в субботу. Вторая причина — Иисус делал Себя равным Богу.

Фарисеи обвиняли Христа в нарушении заповеди о субботе. Как же гласила эта заповедь? Прочтем Исход 20, 6—11: «Помни день субботний, чтобы святить его. Шесть дней работай и делай всякие дела твои, а день седьмый — суббота Господу Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни скот твой, ни пришлец, который в жилищах твоих. Ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них, а в день седьмой почил. Посему благословил Господь день субботний и освятил его».

Христос дал очень ясное объяснение этой заповеди. Он сказал фарисеям, осуждавшим Его за делание дел любви в субботу: «Отец Мой доныне делает, и Я делаю».

Христос этими словами говорит нам, что Отец Небесный непрерывно делает Свои великие и славные дела — дела любви и милосердия. Хотя в заповеди о субботе сказано, что Господь «в день седьмой почил», но это относится к покою от делания вселенной, но не говорит о покое от управления вселенной и от заботы о всем человечестве.

В попечении о вселенной и о всем человечестве, и о каждом отдельном человеке у Бога Отца нет «суббот». И о Себе Христос, Сын Божий, говорит: «И Я делаю», то есть в делании добра и у Меня нет суббот. А как обстоит дело у нас? Наши субботы должны быть днями покоя от нашей обычной работы, то есть работы, которую мы выполняем в течение шести дней недели. Но наши «субботы», то есть воскресения, наши так называемые «выходные дни» не должны освобождать нас от добрых дел, от дел любви и милосердия. Мы должны в этом отношении идти по стопам Христа, Который во все субботние дни творил добро.

«И еще более искали убить Его за то, что Он не только нарушал субботу, но и Отцом Своим называл Бога, делая Себя равным Богу».

«Делая Себя равным Богу»,— потому что Он и был равным Богу. Он и был истинным Богом, Богом «во плоти» (1 Тим. 3, 16). Послушаем, что говорил иудеям Христос о Себе.

«Как Отец воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын оживляет, кого хочет». Здесь идет речь о духовном оживлении, о воскрешении духовных мертвецов. Христос говорит о Себе величественные слова: «Я есмь воскресение и жизнь (Иоан. 11, 25).

Далее Христос говорит о Себе: «Отец весь суд отдал Сыну». Прочтем о Христе, как о Судье, Деян. Ап. 17, 30—31: «Итак, оставляя времена неведения, Бог ныне повелевает людям всем повсюду покаяться; ибо Он назначил день, в который будет праведно судить вселенную,

посредством предопределенного Им Мужа (то есть Христа), подав удостоверение всем, воскресив Его из мертвых».

В Римл. 2, 16 говорится: «В день, когда... Бог будет судить тайные дела человеков через Иисуса Христа».

О верующих Христос говорит, что они на этот суд не придут: «Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь (Иоан. 5, 24).

И, наконец, Христос говорит о Себе, что Он воскрешает не только духовно мертвых, но и физически мертвых. Он говорит: «Наступает время, в которое все, находящиеся в гробах, услышат глас Сына Божия, и изыдут творившие доброе в воскресение жизни, а делающие зло в воскресение осуждения».

В этих словах мы имеем самое ясное учение Христа о воскресении всех умерших. Христос говорит, что не все кончается со смертью. Хотят или не хотят лежащие под могильными холмами выйти из своих могил, они должны будут выйти и предстать перед судом Христа.

На кладбищах мира покоятся, по словам Христа, два рода умерших: умершие, которые воскреснут для вечной жизни со Христом, и умершие, которые воскреснут и предстанут на суд Христа, чтобы получить соответственно тому, что они делали, живя в теле, добрые или худые дела.

Христос говорит иудеям о четырех свидетелях, свидетельствующих о Нем, как о Боге. Он говорит о свидетельстве Отца Небесного во время Его крещения: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение».

Он говорит о свидетельстве Иоанна Крестителя, который говорил: «Вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира». Христос говорит о свидетельстве Своих дел: «Дела, которые Отец дал Мне совершить, самые дела сии, Мною творимые, свидетельствуют о Мне, что Отец послал Меня».

И, наконец, Христос говорит о свидетельстве Писаний: «Исследуйте Писания, ибо вы думаете через них иметь жизнь вечную, а они свидетельствуют о Мне».

Эти же благословенные свидетельства о божественности Господа нашего Иисуса Христа мы имеем и сегодня в наших руках. И особенно свидетельство великой Книги — Библии! К глубокому и всестороннему исследованию этой Книги призывает Христос: «Исследуйте Писания... они свидетельствуют о Мне».

И еще одно очень важное слово мы слышим из уст Христа: «Дабы все чтили Сына, как чтут Отца. Кто не чтит Сына, тот не чтит и Отца, пославшего Его».

Этими словами мы призываемся поклоняться Христу, как Богу. И мы поклонялись и будем поклоняться Ему как Богу. Вместе с апостолом Фомой пусть каждый из нас говорит Христу: «Господь мой и Бог мой!»

Глава 6

Как уже было отмечено, евангелист Иоанн повествует в своем Евангелии главным образом о тех событиях из жизни Иисуса Христа, которые происходили в Иудее, в то время как три других евангелиста повествуют в своих Евангелиях о событиях из жизни Христа, которые главным образом происходили в Галилее.

Одним из таких событий, происшедших в Галилее и описанных также и евангелистом Иоанном, является чудо насыщения пяти тысяч человек пятью хлебами и двумя рыбками.

Об этом чуде повествуют все четыре евангелиста. Нет другого чуда,

о котором повествовали бы все четыре евангелиста. Только еще одно событие из жизни Христа описывается на страницах всех четырех Евангелий: это страдание и смерть Иисуса Христа, а также Его славное воскресение.

Характерным для этого чуда насыщения пяти тысяч человек является то, что оно единственное чудо, сотворенное Христом перед великим множеством народа.

В этом чуде мы с особой ясностью видим всемогущество Христа. В чудесах исцеления больных и воскрешения мертвых, совершенных Христом, мы видим как бы обновляющую или восстанавливающую силу Христа, а в чуде насыщения пяти тысяч пятью хлебами и двумя рыбками мы видим творческую силу Христа, создающую то, чего не было.

Пять ячменных хлебов и две маленькие рыбки были творческой силой Христа размножены, и не только хватило хлеба и рыбы насытить пять тысяч человек, но еще и остатков оказалось так много, что ими было наполнено двенадцать коробов.

Перед нами всемогущий Христос, творящий из несуществующего существующее. И именно этой Своей творческой силой Он творит из грешников и беззаконников новую тварь, то есть новое творение, нового человека, диаметрально противоположного старому, прежнему человеку.

Этой же творческой силой Своей Христос сотворит и новое небо и новую землю без какого бы то ни было греха или порока.

Сегодня мы слышим из уст всемогущего Христа весьма драгоценные слова, говорящие о Его творческом могуществе: «Се творю все новое!» (Откров. 21, 5).

Это чудо насыщения пяти тысяч преподает нам замечательный урок в отношении нашего христианского служения. В чем же заключается этот урок? Посмотрим на служение апостолов во время этого чуда.

Стих 11: «Иисус, взяв хлебы и воздав благодарение, раздал ученикам, а ученики возлежавшим»...

Задача учеников Христа, апостолов, заключалась в том, чтобы брать хлеб из рук Христа и передавать его людям. Творцом пищи был Христос, а они были только раздатчиками ее. В этом же заключается и наша задача.

Хлебом для нашей души является Слово Божие, Слово Евангелия. Творцом этой чудной духовной пищи является Сам Христос. Мы, люди, не можем творить пищи для бессмертных душ. Она уже создана нашим Господом. Книга книг — Библия — это величайшая житница духовного хлеба. И все мы, верующие, черпаем из этой житницы для себя и для других.

Христос говорит о Себе: «Я есмь хлеб жизни» (Ев. Иоан. 6, 48). Наша задача — брать от этого хлеба для себя и для других. А как нам брать от этого хлеба жизни — этому нас учит Мария из Вифании. Прочтем о ней в Ев. Лук. 10, 39: «Мария... села у ног Иисуса и слушала слово Его». Вот путь к получению духовного хлеба от Христа для себя и для других.

Это чудо насыщения пяти тысяч говорит нам о достаточности Христа и Его Евангелия для удовлетворения нашего духовного голода.

Простое повествование о кресте на Голгофе наполняло и наполняет величайшей радостью и глубочайшим миром сердца миллионов людей, некогда живших и теперь живущих. Апостол Павел говорит: «Слово о кресте для погибающих юродство, а для нас, спасаемых — сила Божия» (1 Кор. 1, 18).

Это слово о кресте ничуть не утратило своей прелести и своей силы. Эта старая повесть о любви Божией во Христе Иисусе звучит каждый раз, когда мы ее слышим, по-новому. Мы ничего не думаем прибавлять к Евангелию и ничего не думаем убавлять от него. Таким, каким

создал его Христос и Дух Святой, таким мы проповедуем его, и таким же впитываем его в себя и питаем своего внутреннего человека.

Насыщением пяти тысяч человек Христос воспользовался как прелюдией, то есть как введением к Своей великой беседе о Хлебе Жизни.

Евангелие от Иоанна — это Евангелие бесед Христа. В нем мы имеем главнейшие беседы Господа нашего Иисуса Христа. В трех других Евангелиях мы имеем главным образом повествование о делах, совершенных Христом. В Евангелии от Иоанна мы имеем, например, чрезвычайно важную беседу Христа с Никодимом о рождении свыше. Затем замечательную беседу с самарянкой о воде живой и ее источнике. В пятой главе Евангелия от Иоанна содержится большая беседа Христа с иудеями о Своей божественности, о Своем равенстве Богу. А в шестой главе перед нами величайшая беседа Христа о Себе, как хлебе жизни и пищи для души и духа.

И прелюдией, введением к этой беседе послужило чудо насыщения пяти тысяч человек. Но народ воспринял это чудо совсем не как прелюдию к важнейшему вопросу о духовном питании. Народ воспринял насыщение Христом такой массы людей, как удобный момент для провозглашения Его царем иудейским. Тысячи в израильском народе не могли себе представить Мессию иначе, как земным царем — в блеске и славе земного величия.

Христос же, как царь духа, с царствием «внутри человека», то есть с царствованием в области ума, в области чувств (сердца) и в области воли,— такой царь был иудеям не понятен. Царь, лежащий в яслях, вместо золоченой колыбели, вместо дворца, не имеющий где главы преклонить... и умирающий на позорном кресте, вместо дворцовой роскошной постели... Как это все было неприемлемо для умов большинства иудейского народа, и особенно для первосвященников и священников.

И Христос удаляется на гору один. Один, как непонятый ни народом, ни Своими учениками. И ученики Его еще так много мыслили по-плотскому, и им было еще так непонятно Его Царство, как Царство исключительно духовное, невещественное.

Но и мы, Его теперешние ученики, далеко еще не усвоили всей полноты учения Библии о Царствии Божием.

Следы Христа, ведущие на гору. Мы часто говорим о следах Христа, по которым нам, верующим в Него, следует идти. Мы видим следы Христа, ведущие на Голгофу, и мы видим следы Христа, ведущие к умывальнице с водой, к полотенцу, в горнице Иерусалимской, зовущие нас к подражанию Христу в Его великом и малом служении. А сегодня перед нами следы Христа, ведущие на гору.

Христос часто оставлял такие следы в течение Своей земной жизни, потому что Он часто поднимался на горы Галилеи и Иудеи. Что делал Он на вершинах гор? Он искал там тишины и уединения! Он предавался там великим размышлениям. Он молился там Своему Небесному Отцу! Вот и здесь, на этой горе, Он один. Сюда не доносится шум пятитысячной толпы. Здесь полная тишина, и Христос занят великими мыслями: в то время как там, внизу, народ ищет Его, чтобы сделать царем и надеть Ему на голову царственную корону. Он видит перед Собой другой венец — венец с длинными колкими шипами, венец терновый, который не красовался еще никогда в истории человечества ни на одной человеческой голове.

Христос знает, что путь Его лежит именно к этому терновому венцу, и если он не украсит Его чела, то Он не будет Спасителем мира.

Здесь, на этой горе, Христос видит и Свой необыкновенный трон: это позорный крест Голгофы. Первый, кто уразумел, что крест Христа на Голгофе является престолом божественной милости и всепрощения, был разбойник. Вот почему он просил Христа принять его в Свое Царствие.

Народ внизу был занят мыслями о земном троне для Христа, а Он здесь, на вершине горы, видит другой трон, более доступный для каждого грешника, и в первую очередь для разбойника,— трон Голгофского креста.

И мы можем не сомневаться, что здесь, на горе, Христос молил Отца дать Ему прославить Его на земле и особенно жертвой Своей на Голгофе.

Как необходимо и нам подниматься в духе на «горы», чтобы искать там тишины после шума житейского, чтобы размышлять там о великих и славных делах нашего Господа и молиться Ему о всех наших нуждах, больших и малых.

Для этого нет необходимости переселяться нам из нашей великой русской равнины в горы Урала или Кавказа. Нет, достаточно сделать шаг и мы будем на «горе» — в тишине и уединении, уединении с нашим Богом.

Но посмотрим с горы, где молится Христос, вниз. Внизу расстилается Галилейское море. Но что представляет оно из себя сейчас? Кипящий котел! «Дул сильный ветер, и море волновалось» (Стих 18). Оно не только волновалось — оно кипело! И ученики Христа, находясь в этом кипящем котле, были в великом бедствии. А ведь только что они были на прекрасном лугу, где они раздавали пяти тысячам людей создаваемый Христом хлеб и рыбу. Там «было много травы» и душистых красивых цветов... Там сияло яркое солнце, и Учитель был с ними. А здесь, на море,— разъяренные волны, темная ночь и нет Христа.

Так меняются картины нашей земной жизни: сегодня — луг с красивыми цветами и яркий солнечный день, а завтра — бушующее море и темная, темная ночь. Но волны нашего житейского моря так разнообразны. В Феодосии, в картинной галерее нашего величайшего русского художника Айвазовского, есть грандиозная картина во всю стену и называется она: «От штиля к урагану». Великий художник изобразил на ней волны — от мелкой ряби до громадных ураганных волн. Такова жизнь каждого человека: от штиля до урагана, от мелкой ряби, слегка беспокоящей наше сердце, до грозных ревущих волн, вселяющих в нас страх и ужас.

Но на бурном Галилейском море мы видим ободряющую картину: ученики Христа увидели Учителя, идущего по морю. О чем говорит нам эта удивительная картина? О том, что Христос является хозяином всех наших волн — малых и больших.

И Он шествует по ним ко всем нам со Своей помощью, и со Своим утешением и ободрением, и со Своими величайшими благословениями.

Именно на волнах нашего бушующего житейского моря раздается Его властный, божественный голос: «Это Я — не бойтесь!»

Но мы еще не научились видеть Христа, идущего по волнам, и слышать Его голос: «Это Я — не бойтесь!» Мы больше смотрим на волны и прислушиваемся к их реву, и в этом причина нашего маловерия и всех наших страхов. Переведем наш взор с волн на Христа и запоем нашу чудную песнь: «Глаз не своди с Иисуса! Ночью и днем будет Он вождем — глаз не своди с Иисуса!»

Бессмертная притча Христа о сеятеле рисует нам прежде всего Его собственный посев. Первые каменистые места и первые добрые земли встретили именно семена, которые сеял Христос. И среди пяти тысяч людей, которые так чудесно были насыщены Христом, были и каменистые сердца, были и сердца с доброй почвой.

Не все пять тысяч людей, насыщенных Христом, были в таком низком духовном состоянии, что думали только о плотском хлебе. Но большое число слушавших Христа были людьми с каменистой почвой сердца.

Искавшие сделать Христа царем провели всю ночь там, где они ели хлеб и насытились. Они надеялись найти Христа там, так как в лодку

с учениками Он не сел. Не найдя Его, они переправились на другой берег и нашли Его в Капернауме, в синагоге.

Увидев Христа, они задают Ему полный удивления вопрос: «Равви! Когда Ты сюда пришел?» Если бы это были люди с доброй почвой сердца, если бы они искали Христа для утоления своего духовного голода, то Христос рассказал бы им, как Он перешел море по волнам. Но они искали Христа с другими целями и поэтому Он не счел нужным говорить им о Своем хождении по морю.

Христос заговорил с ними строго. Он показал им их сердца словами: «Истинно, истинно говорю вам: вы ищете Меня не потому, что видели чудеса, но потому, что ели хлеб и насытились...»

«Вы ищете Меня не потому, что видели чудеса» — то есть не потому, что видели чудеса и через них познали Меня, как Спасителя мира, Который может спасти и ваши души.

Эти люди искали Христа в надежде, что Он будет подавать им хлеб с неба без всяких усилий со стороны человека,— наподобие того, как это было в дни Моисея, когда манна ежедневно падала на землю в течение сорока лет и питала великое множество израильского народа.

Христос рассеивает эти плотские мечты и говорит о другой манне, о манне для души. Он говорит им: «Старайтесь о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын Человеческий».

В Его лице Отец Небесный дал духовный хлеб, духовную пищу и духовную воду для духовно алчущего и духовно жаждущего человека.

Сейчас мы услышим очень важный вопрос и весьма важный ответ Христа на этот вопрос. Вопрос: «Что нам делать, чтобы творить дела Божии?» Ответ Христа: «Вот дело Божие, чтобы вы веровали в Того, Кого Он послал».

Христос говорит о вере в Него, как о добром деле, Божьем деле, из которого вытекают все остальные добрые дела. И действительно, вера во Христа делает верующего новым человеком, с новыми мыслями, с новыми словами, с новыми чувствами, с новыми желаниями и новыми стремлениями, а также с новыми делами.

Люди, с которыми вел эту беседу Христос, снова возвращаются к физическому хлебу. Они говорят Христу о Моисее и о манне, которую Он дал Своему народу с неба. Они хотели этим сказать Христу: покажи нам, что Ты больше Моисея, и можешь дать хлеб лучший, чем тот, который он давал. И Христос начинает Свою беседу о хлебе жизни, о хлебе действительно лучшем, чем хлеб Моисеев. Он говорит им и всем нам: «Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда... Я есмь хлеб жизни. Отцы ваши ели манну в пустыне и умерли. Хлеб же, сходящий с небес, таков, что ядущий его не умрет. Я — хлеб живый, сшедший с небес: ядущий хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую я отдам за жизнь мира». Тогда иудеи стали спорить между собою, говоря: как это Он может дать нам есть Плоть Свою? Иисус же сказал им: «Истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день. Ибо Плоть Моя истинно есть пища и Кровь Моя истинно есть питие. Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем. Как послал Меня живый Отец и Я живу Отцом, так и ядущий Меня жить будет Мною. Сей то есть хлеб, сшедший с небес; не так, как отцы ваши ели манну и умерли: ядущий хлеб сей жить будет вовек».

Какие замечательные ясные слова Христа о нашем духовном питании!

Мы должны питаться Самим Христом. Вот почему эта чудесная манна рассеяна по всем страницам Слова Божия. И если Слово Бо-

жие является пищей для наших душ, то это потому, что оно говорит о Христе.

Наша задача, если мы хотим питаться Христом — собирать эту манну изо дня в день.

Обратим внимание на слова Христа о Его плоти и о Его крови, что мы должны есть Его плоть и пить Его кровь, чтобы иметь жизнь вечную. Эти слова очень смутили иудеев, но нам они очень понятны: Христос хочет, чтобы мы питались Им, но питались Им, как Агнцем, закланным за грехи наши на Голгофском кресте.

Вот почему мы никогда не должны забывать слов Христа: «Если не будете есть плоти Сына Человеческого и пить крови Его, то не будете иметь в себе жизни».

В беседе о хлебе жизни, Христос затронул еще одну очень важную истину. Он выразил эту истину следующими словами: «Никто не может прийти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня» (стих 44). Что хочет Христос сказать этими словами? Что Отец Небесный влечет к Нему, Сыну Божиему, всех людей, ибо Он хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины (1 Тим. 2, 4).

Влечет ко Христу и Дух Святой. Да и Сам Христос является сильнейшим магнитом для человеческих сердец. И если бы не было этих магнитных сил, влекущих людей ко Христу, никто не пришел бы к Нему, никому не было бы дано найти Христа.

И в конце беседы Христа о хлебе жизни мы видим, как некоторые покинули Христа и уже не ходили с Ним. Это те, которые не дали привлечь себя ко Христу, хотя и числились как бы учениками Его. Но те, которые привлечены ко Христу Отцом и Сыном и Духом Святым, они никогда не уйдут от Него. Они спаяны крепко с Ним и спаяны навеки. Они говорят Христу при виде уходящих от Него: «Господи! К кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни, и мы уверовали и познали, что Ты — Христос, Сын Бога живого» (стихи 68 и 69).

А. В. К.

ИСПОВЕДАНИЕ ПЕТРА И ПРЕОБРАЖЕНИЕ ХРИСТА

Вошедши в небольшую лодку, Христос переплыл Геннисаретское озеро, как сказано у евангелиста Матфея, к пределам Магдалинским (Матф. 15, 39), ибо относительно местоположения и названия Далманufы, куда Он отплыл, согласно указаниям Ев. Марка (Марк. 8, 10), ничего не известно, и отожествление этого названия с именем Магдалы было причиною многих споров. Может быть, Он желал идти к Вифсаиде или к Капернауму, которые были немного севернее Магдалы, но названные города стали главным лагерем враждебных фарисеев. Впрочем, и здесь зорко следили враги за Его возвращением. С Магдальской башни завидя судно, они тотчас же, как только Иисус ступил на берег, вышли к Нему навстречу, и уже не одни, а в сопровождении своих прежних недругов и соперников, саддукеев,— секта скептиков и полуполитиков,— секта, к которой принадлежали два великих первосвященника и даже члены царствовавшего дома (Деян. Ап. 6, 1—5). Сепп насчитывает восемь еврейских сект: фарисеи-пиэтисты; ессеняне-мистики; саддукеи-рационалисты; иродиане-политики; зилоты-радикалы и самаряне-схизматики. Но и фарисеи, страшные по своему религиозному влиянию на народ, и саддукеи, меньшие числом, но могучие богатством и положением в свете, и иродиане, влиятельные по дружбе с римлянами и по власти, как тетрархи, и книжники с законниками, как авторитетными хранителями правоверия, и учители закона,— все секции правительственных лиц вдруг соединились против Иисуса в крепкую фалангу и решили прежде всего воспрепятствовать Его проповеди и поколебать, насколько возможно, привязанность к Нему народа, в среде которого Он жил и совершал наибольшую часть великих чудес.

Они уже удостоверились на опыте, что самым действительным орудием для возбуждения недоверия к Его призванию и для уничтожения Его влияния был вопрос о знамении, — в особенности о знамении небесном. Если бы Он был Мессия, то почему бы Ему и не низвести, как Моисей, хлеб с небес или пламя Илии? Отчего бы Ему не произвести солнечного затмения, не обратить луну в кровь, не расшатать звезды небесные? Отчего огненный столб не ходит перед Ним, чтобы вести Его к победам,— громы не рокочут, чтобы подтвердить слова Его?

Они знали наверное, что подобных чудес для них не будет; знали высказанные Им и трижды повторенные основательные причины отказа удовлетворить их высокомерную просьбу (Иоан. 2, 18; 6, 30; Матф. 12, 38). Если бы им было известно и они поняли событие искушения в пустыне, то узнали бы и то, что самые первые Его ответы искусителю высказаны были в том же самом духе крайнего отрицания. Но если бы и исполнил Он их желание, то какие были бы дальнейшие последствия? Не влияние внешних сил, но прирожденное свойство души заставляет возрастать в ней доброе семя; не знамения и чудеса могут обратить к добру закоренелое в злобе сердце или поселить верование, но

внутреннее смирение и благодать Божия, нисходящая внезапно, тайно и невидимо, как роса небесная.

Что было бы постоянным последствием всех знамений? Очевидцами оно приписано было бы действию бесовскому: слышавшими о нем перетолковано; следующими поколениями будет отвергнуто, как выдумка и обращено в миф.

Но, несмотря ни на что, фарисеи и саддукеи чувствовали, что в настоящее время отказ Иисуса удовлетворить их просьбу будет превосходным против Него орудием и действительным средством для ослабления народного удивления. Однако же Он непоколебимо отверг их искушение, не восхотел, по их просьбе, как по просьбе искусителя, совершить чудо с явным намерением выставить Себя напоказ. Ответ Его был таков же, как и прежде, что «знамения не дастся им, кроме знамения Ионы пророка» (Матф. 16, 1—4; Марк. 8, 10—13). Причем, указывая на зардевшийся от вечерних лучей солнца запад, Он прибавил: «Вечером вы говорите: будет ведро, потому что небо красно, и поутру: сегодня ненастье, потому что небо багрово. Лицемеры! Различать лице неба вы умеете, а знамений времен не можете».

Говоря это, Иисус глубоко вздохнул, замечает евангелист Марк (Марк. 8, 10—13). Он удалился из своего дома; отыскан был истинной верой в пределах тирских и сидонских; приветствован с полным радушием декаполисскими язычниками. Здесь же, при возврате домой, встретила Его, под личиной притворного усердия, торжествующая вражда... Он шел берегом в мирную долину, где Им совершено столько великих дел милосердия; сказано столько раз и так много превосходящих человеческое понятие бессмертных проповедей. Он возвратился назад с тем, чтобы совершить еще какое-нибудь дело любви в этом небольшом районе, где некогда следовали за Ним в глубоком молчании радостные тысячи народа, горевшего нетерпением послушать дивных слов Его. Он уже приблизился к Магдале, небольшой деревушке, предназначенной на вечные времена передать свое имя слову, равнозначащему с Его божественным состраданием; намеревался войти в небольшой городок и поселение, которые бы предложили Ему, лишенному крова, хотя тень дома. Но едва только Он сошел на сыпучий песок; едва успел миновать кайму цветущих кустарников, обступивших толпою водяную поверхность; едва заслышал Он пение бесчисленных птиц, которые по-прежнему обычными криками приветствовали Его возвращение,— как застал целую шеренгу самодовольных, притворных чтителей павшей религии, которые заграждали Ему дальнейшее шествие.

Иисус не торопился с совершением дел любви и милосердия для тех, которые Его отвергли. Как в последние дни народ предпочел разбойника и убийцу Господу жизни, так в настоящее время галилеяне удержали своих фарисеев и потеряли Христа. Иисус покинул их, как покинул гадарян,— отверженный и недопущенный остановиться даже в своем доме. С грустным сердцем, торжественно-печально, оставил Он родную землю,— оставил навсегда, с тем чтобы посещать снова близлежащие селения, но никогда не возвращаться в отечество, никогда не сотворить там ни одного чуда, не произнести ни одного поучения, ни проповеди.

Была осень, время позднее, и в один из этих осенних вечеров пришлось Иисусу снова сесть в небольшое судно, чтобы отправиться в Вифсаиду Юлиеву, к северным оконечностям озера (Матф. 16, 5; Марк. 8, 13). Снова надо было Ему плыть мимо светлых песков западной Вифсаиды, где Петр и сыновья Зеведеевы играли еще детьми, и видеть синагогу из белого мрамора, отражавшуюся в воде и покрытую различными оттенками цветов заходящего солнца. Не в это ли время, оставляя Галилею с полным знанием, что там Его дело окончено и что Он

отплывает навсегда, под опалой пристрастных судей и под страхом смертного приговора,— не в эту ли торжественную минуту скорби высказано было Им это восторженное горе (Матф. 11, 21—24), в котором Он упрекал нераскаянные города, где совершено было Им столько великих деяний?

«Горе тебе, Хоразин! Горе тебе, Вифсаида! Ибо если бы в Тире и Сидоне явлены были силы, явленные в вас, то давно бы они во вретище и пепле покаялись. Но говорю вам: Тиру и Сидону отраднее будет в день суда, нежели вам.

И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься: ибо если бы в Содоме явлены были силы, явленные в тебе, то он оставался бы до сего дня. Но, говорю вам, что земле Содомской отраднее будет в день суда, нежели тебе».

Воспоминание об этих неприятностях не исчезло из сердца Иисуса даже во время путешествия на лодке вдоль восхитительных берегов озера к северным его пределам. Он сказал ученикам Своим: смотрите, берегитесь закваски фарисейской и саддукейской» (Матф. 16, 6—12; Марк. 8, 15—21), или «Иродовой», как говорит евангелист Марк, потому что иродиане принадлежали по большей части к секте саддукеев. Он не прибавил к этому ни слова и Его замечание вследствие странной простоты учеников было совершенно перетолковано. Притчи Его они понимали буквально, а простую обыкновенную речь считали притчею. Когда он назвал себя хлебом, сошедшим с небес, они думали: какие странные слова! Кто может это слушать? (Иоан. 6, 53—60). Когда Он сказал: «У Меня есть пища, которой вы не знаете» они только сделали замечание: «Разве кто принес Ему есть?» (Иоан. 6, 32—34). Когда Он объявил им: «Лазарь, брат наш уснул», они отвечали: «Господи! если уснул, то выздоровеет» (Иоан. 11, 11—12). Так и теперь. Несмотря на то, что закваска была самым обыкновенным типом греха и в особенности указывала на зависть, они после долгих споров могли только прийти к такому заключению, что в этих словах заключается предостережение от покупки квасного хлеба у фарисеев и саддукеев или косвенный упрек за то, что в скорби и смятении от неожиданности плавания они взяли с собою только один хлеб. Иисус был огорчен их крайним непониманием и поразительной привычкой придерживаться буквального смысла. Разве могли они предполагать, что Тот, по слову Которого хлеб и рыба чудесным образом возрастали в количестве до того, что они сами, напитавши пять тысяч, собрали двенадцать, а напитавши четыре тысячи, семь полных больших корзин, находится теперь в опасности терпеть Сам или заставить выносить их страдания голода? Справедливое недовольство слышится в вопросах Христа, которые определяли их заблуждение. «Что рассуждаете о том, что нет у вас хлебов? Еще ли не понимаете, не разумеете? Еще ли окаменено у вас сердце? Имея очи, не видите? Имея уши, не слышите и не понимаете?» Напомнивши же им о чудесах, Он прибавил: «Как не разумеете?» Ученики не решались ни отвечать, ни просить у Него какого-либо объяснения; в Нем было нечто внушающее благоговение, в лице Его нечто восторженное, так что сильнейшая их любовь к Нему сдерживалась глубочайшим почтением. Он сам стал объяснять значение Своих слов и сказал, что просил их хранить себя не от хлебной закваски, а от учения фарисеев и саддукеев.

В Вифсаиде (Марк. 8, 22—26), вероятно на следующее утро, приведен был к Нему слепец для исцеления, которое и было совершено так же, как над глухонемым в Декаполисе. Иисус взял слепца за руку, вывел его за город, смочил слюною его глаза и тогда, наложив на них Свои руки, спросил, видит ли он. Слепец посмотрел на лица, находившиеся от него на довольно большом расстоянии и, не вполне излеченный, отвечал: «Вижу проходящих людей, как деревья», и до тех пор

не прозрел окончательно, пока Иисус не возложил снова рук на глаза его. Тогда Он приказал ему идти домой в Вифсаиду с строго повторенным запрещением не входить в город и не рассказывать об этом никому из горожан.

Оставив Вифсаиду, Христос направил путь Свой к Кесарии Филипповой (Матф. 16, 13; Марк. 8, 27). Здесь, точно так же как и у евангелиста Матфея, вразумительно сказано, что Он не входил в самый город, а только посетил его страны, то есть обошел соседние селения. Кесария была городом, видевшим на своем веку множество превращений. Под именем Лаиса он принадлежал беспечным сидонянам; под именем Дана был главным убежищем вонистенного из колен израильских, северной границей израильского царства и местом поклонения золотому тельцу. Под владычеством греков он получил название Панеи, по имени пещеры под возвышающимся над ним холмом, которая посвящена была Пану, искусно отделана гротом и украшена нишами, со статуями лесных нимф. Сделавшись столицею и резиденцией Ирода Филиппа, он был снова переименован в честь самого Филиппа и его покровителя Тиверия. Перед взором Спасителя расстилались высокие гряды Ливана и Антиливана, а также блестящие снежные массы Ермона, которые серебрились при дневном свете и принимали вечером радужные цвета от преломлявшихся лучей солнца. Ему довелось обойти кругом озера Фаил и видеть, где Иордан, покидая подземное течение, вырывается весело на свет. Но с прискорбием пришлось Ему взглянуть на самую страну с ее темными преданиями об отступничестве от веры израильтян, с ее жалкими подражаниями римскому империализму, с ее разбитыми статуями осквернённой греками пещеры.

Во время этого путешествия к северным странам случилось событие, на которое можно смотреть как на одно из важнейших во время всего Христова учения (Матф. 16, 13—28; Марк. 8, 27—7; 1; Лу. 9, 18—27). Он был один и стоял на молитве. Близ Него находились только апостолы, а толпа, которая беспокойно теснилась вокруг Него в других, чаще посещаемых районах, здесь только следовала за Ним в отдалении. По окончании молитвы Иисус собрал апостолов и во время пути предложил им два великих вопроса, от ответов на которые зависел, может быть, весь исход Его земного дела.

Во-первых, Он спросил: «За кого люди почитают Меня, Сына человеческого?» В ответ апостолы не смели и не хотели сказать что-нибудь, кроме правды и истины. Поэтому им пришлось сделать неприятное извещение, что Мессия не признан миром, для спасения которого Он явился. Пришлось повторять только досужие догадки народа. Из ответов апостольских видно, что иные, соглашаясь с приговором преступной совести Антипы, говорили, что Он был одно лицо с Иоанном Крестителем; иные, имевши случай слышать строгие обличения Его сильного негодования, принимали Его жгучее слово за громы Илии; другие, на основании слышанных ими выражений благости и слов всеобъемлющей любви, видели в Нем жалостливую душу Иеремии и думали, что Он пришел, может быть, для отыскания потерянного Урима и исчезнувшего Ковчега Завета. Многие считали Его за пророка и предтечу Мессии. Восторженные крики, признававшие в Нем истинного Мессию и раздававшиеся в толпах, пораженных каким-нибудь необычным проявлением Его чудодейственной силы, были возгласами случайными: никто не догадывался, кто был Иисус. «Но свет во тьме светит и тьма не объяла его» (Иоан. 1, 5).

«А вы за кого почитаете Меня?» Если бы на этот вопрос получен был не тот ответ, который дан, то миссия Спасителя погибла бы в самом зародыше и не существовало бы христианства, потому что дело Христа на земле возлагалось, по большей части, на Его учеников. Он сеял, они собирали жатву; Он видоизменял их, а они — мир. Он ни-

когда открыто не говорил о Своем звании как Мессии. Иоанн родился для свидетельства об Иисусе, и тем, которые приняли его свидетельство, Иисус подтверждал не уверениями на словах, но проповедью и делами. Воля Его была такова, чтобы свет откровения просвещал умы Его детей постепенно; чтобы они вразумлялись больше истинами, которые Он передавал, и жизнью, которою Он жил, нежели чудесами, которые Он творил; чтобы все это устраивалось не посредством внезапных раскатов грома сверхъестественного величия, не посредством явлений невыразимой славы, но через тихое посредство безгрешной жизни и самопожертвования. В Сыне Человеческом они должны были познать Сына Божия.

Но получился ответ, который должен был получиться согласно с тем, как до века начертано было в книге судеб Божиих. Петр, пылкий сердцем, дал один за всех незабываемый ответ.

«Ты, Христос, Сын Бога живого». Такой ответ из уст верховного апостола полнотою взгляда и твердостью убеждения сгладил все недостатки оценки, сделанной Ему народом. Открыта великая тайна, скрывавшаяся от веков и поколений. В Иисусе из Назарета апостолы признали наконец обещанного их народу Мессию, и, вследствие особого наития Божия, им открыто, что этот Мессия был не только тем, кем Его ожидали евреи — князем, правителем, сыном Давидовым, — но гораздо выше того: Он был сыном Бога Живого!

Величественно и торжественно подтвердил Спаситель это великое исповедание веры, сказав в ответ: «Блажен ты, Симон, сын Ионин (точно так же обратился к нему Иисус при другом торжественном случае — Иоан. 21, 15—17), потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, сущий на небесах. И Я говорю Тебе: ты Петр (камень), и на сем камне Я создам церковь Мою, и врата ада не одолеют ее. И дам тебе ключи царства небесного; и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах; и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах».

Ни разу еще до сего времени с уст Иисуса не сходило таких знаменательных слов. В них слышалось свидетельство Его о Самом Себе; в них обещалось блаженство тому, кто Его признает; в них высказывалась та истина, что познать Его могут только руководимые Духом Божиим. Человечество удостоверено навсегда, что не земным критическим разбором, а только благодатью небесною приобретается познание этой истины. Это была закладка краеугольного камня церкви Христовой — торжественное обещание, что эта церковь, основанная на скале боговдохновенного исповедания, должна остаться непобедимой никакими силами ада. Это было вручение церкви, в лице ее типичного представителя, власти решить и вязать, с обещанием, что эта власть, действуя на основаниях веры на земле, будет признана и небесами.

С этого времени Спаситель мог видеть, что одна огромная часть Его дела на земле была окончена. Апостолы убедились в тайне Его бытия; положено было основание, на котором, как на главном краеугольном камне, с этой поры должно воздвигаться все обширное здание церкви.

Но Он запретил им до времени открывать эту истину людям. Не пришел еще час для такой проповеди. Сами апостолы были еще мало знакомы со способами подобного откровения; не были утверждены в вере даже для того, чтобы остаться верными в час крайней нужды. Теперь Он был признан за Христа только теми, духовное зрение которых могло видеть Его непосредственно в жизни и деяниях. Теперь Он не хотел, чтобы голос Его был слышен на улицах. Когда, вследствие великого дела Его воскресения, собственная вера их утвердится на незыблемом основании, когда сердца их будут исполнены Духом Святым, тогда, а не теперь, придет для них время идти и учить народы, что Иисус есть Христос, сын Бога живого.

Но, познавши Его, они не имели понятия относительно того пути, которым Он желал проводить Свои намерения. Настало время приготовлять их к дальнейшим действиям; настало время преподать им, что хотя Он и Царь, но царство Его не от мира сего; настало время уничтожить в них все пустые земные надежды на блестящие успехи царства Мессии, утвердить их в мысли, что Царство Небесное заключается не в питье и не в еде, а в праведной жизни, в мире и в радости веры.

Поэтому Он начал спокойно и прямо открывать им о Своем намерении идти в Иерусалим, о непризнании Его старейшинами народа, об ожидавших Его там оскорблениях, об ужасной Его смерти и воскресении в третий день. Он воспользовался удобным случаем дать им различные указания на эти приближающиеся страдания и теперь в первый раз высказал им определенно, а не иносказаниями (Матф. 10, 38; Иоан. 3, 4; Матф. 16, 21). Однако же и теперь не открыл им, какой именно и насколько ужасной смертью окончится Его земное поприще. Он только дал им знать, что будет отринут старейшинами, первосвященниками и книжниками — всеми авторитетами, всеми знатнейшими светскими сановниками и духовными властями народа, и выдан язычникам. Он предупреждал их, что будет убит, но до самого своего последнего путешествия в Иерусалим (Марк. 16, 21; 20, 19) сохранил втайне, что будет распят. Таким образом Он открыл им будущее настолько, насколько они способны были вместить, и для утешения в скорби и для поддержания веры высказал ясно, что на третий день воскреснет.

Но ум человеческий обладает странной способностью отрицать все, чего не может понять,— не знать и забывать все, что не совпадает с рядом предвзятых уже мыслей. Апостолы, придерживаясь всегда истины и простоты в своих свидетельствах, не скрыли от нас ни недальновидности своих духовных взглядов, ни господства над их умами чисто иудейских воззрений (Матф. 15, 17; 16, 7; Иоан. 4, 32; 11, 11. 12. 16). «Но они не поняли слова сего, и оно было закрыто от них, так что они не постигли его (Лук. 9, 45), а спросить Его о сем слове боялись» (Марк. 9, 32; Лук. 2, 50; 18, 34). Предсказание об Его последнем конце было так чуждо их мысли, что они отложили его в сторону, как непонятное,— как тайну, проникнуть в которую они не могут. Что же касается воскресения, то оно возбудило между ними только один вопрос: чтобы такое значило это восстание из мертвых? (Марк. 9, 32).

Но Петр, при своей стремительности, представил себе, что понял и должен предупредить несчастие, которое тяготело над его Учителем. Поэтому он решился прервать торжественную речь своим необдуманным рвением. Мысль, что ему удалось понять и высказать новую великую истину, вместе с похвалой и обещанием, которые он только что успел выслушать от Учителя, увлекла его сердце. Отозвав Иисуса в сторону (Матф. 16, 22—28), он начал учить своего Учителя. «Будь милостив к Себе, Господи,— сказал он Ему,— да не будет этого с Тобою». Проблеск внезапного неудовольствия явился на лице Иисуса, укорившего Петра за его высокомудрствование.

Он сказал во всеуслышание: «Отойди от Меня сатана, ты Мне соблазн, потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое». Этот твой чисто плотской и человеческий взгляд, это покушение на разубеждение Меня относительно Моего крещения смертью,— есть восстание против предначертаний Божиих.

«Отойди от Меня сатана!» Те же самые слова были сказаны Иисусом в пустыне искусителю. Выговор строг и для наших ушей может показаться, конечно, гораздо жестче, чем для тех, которые его слышали. Слово «сатана» значит «противник». Но специальная приложимость такого выражения Спасителя к данному случаю вытекает из того, что Петр избрал такое же направление доказательств, какое и искуситель

в пустыне. Называя Петра «соблазном», Иисус как бы применял данное ему имя Петр (камень) к тем лежащим на пути камням, о которые спотыкаются прохожие.

Но, сделав Петру выговор за привязанность, не осмыслившую всей сущности дела, Господь в милосердии Своем избрал это событие поводом для глубочайшего учения, которого Он не передавал еще всем апостолам вместе (Лук. 9, 23). У евангелиста Марка мы находим, что даже и в этих отдаленных странах Иисус был окружен ожидающими толпами (Марк. 8, 34; 7, 24), которые, по обычаю, шли в небольшом расстоянии от Него и Его учеников. Эти толпы, равно как и ученики Иисуса, разделяли, конечно, неправильное мнение Петра. Поэтому Иисус обратился к народу со словом, в котором поучал, что смысл праведной жизни, самое угодное Богу служение и величайший пример для человека, заключается в самопожертвовании. При этом случае Он высказал те несколько слов, которые всегда имели великое действие на людскую совесть: какая польза человеку, если он приобретает весь мир, а душе своей повредит? Затем после предварения, что Он сам должен быть предан суду, Он утешил их в этом неприятном открытии удостоверением, что здесь стоят «некоторые, которые не вкусят смерти, как уже увидят Сына Человеческого, грядущего в Царствии Своем». Он говорил о Своем Преображении, которое мы теперь и рассмотрим.

Ни один из евангелистов не говорит нам, как прошла неделя перед этим замечательным событием. Все они говорят, что после шести дней Он взял с собою трех Своих учеников (Матф. 17, 1—13; Марк. 9, 2—13; Луки 9, 28—36) и пришел с ними на высокую гору или, как говорит евангелист Лука, просто на гору.

Предположение, что этой горою был Фавор, утвердилось в христианской церкви вековыми преданиями. Три церкви и монастырь, воздвигнутые там в конце шестого века, удостоверяют непоколебимое принятие этого верования. Но многие думают, что Фавор не был местом великого Преображения. Круглая вершина этой живописной и покрытой лесом горы, представляющей дивный ландшафт, как только путешественник приближается к северной границе долины Ездрелонской, с незапамятных времен была укрепленным и обитаемым местом (Иис. Нав. 19, 12; Судей, 4, 6). Меньше чем через тридцать лет после этого события на Фаворе Иосиф Флавий возобновлял существовавшую уже там крепость Ифавурион. Следовательно, туда Иисус не мог взять трех апостолов «особо их одних». Нет ни малейшего указания на то, чтобы шесть дней проведены были в путешествии на юг от Кесарии Филипповой, где совершались последние события; напротив, в Евангелии Марка (9, 30) существуют явственные признаки, что Иисус проходил через Галилею, где находится Фавор, уже после Преображения. Точно также незначительный холм Паней близ Кесарии Филипповой не вполне соответствует описанию в Евангелиях. Гораздо естественнее предположение, что Господь Иисус Христос, желая пройти Святую Землю, где родился, к северной границе, путешествовал не торопясь, пока достиг нижних скатов покрытой снегом горы Ермон, блестящая масса которой, видимая с юга даже от пределов Мертвого озера, замыкает северные границы Палестины. Имя ее Ермон означает «гора» (как названо место происшествия у евангелиста Луки), а событие дало ей эпитет «святая», только ей одной присвоенный во всем Новом Завете (2 Петр. 1, 18). Луговины ее, покрытые росою, прохладные и свежие от Дыхания снеговой вершины, могли предоставить то полное уединение, которого желал Иисус как душевного успокоения перед наступающей сильной борьбой; здесь мог Он найти место, где бы преклонить колена с Своими учениками, погрузясь в молчаливую молитву.

Прохлада и уединение были приятны для отягощенного трудом Спасителя мира, после палящего жара восточного дня и беспрестанного беспокойства от присутствия толпы, следовавшей за Ним, даже в самых отдаленных странах. Из сравнения текстов Евангелия Луки 9; 32, 37 и 6, 12 можно догадываться, что наступил вечер, когда Он стал подниматься на гору и с торжественной радостью в душе восходил по скату в сопутствии трех избранных свидетелей — Петра, Иакова и Иоанна. Нет сомнения, что душа Его исполнена была не только небесного спокойствия, которое поселяло в Него уединенное общение с Небесным Отцом, но и глубокого сознания, что в наступающие великие дни поддержкой Ему будет служить неземная сила и что Его просветит свет, не нуждающийся ни в солнце, ни в луне, ни в звездах. Он приходил туда для того, чтобы приготовиться к смерти, и взял с собою трех апостолов, чтобы они, будучи осчастливлены созерцанием Его славы — славы как Единородного от Отца и исполненного благодатью и истиною,— окрепли сердцем, утвердились в вере и, не колеблясь, глядели на постыдные оскорбления и невыразимое унижение крестной казни.

Здесь Иисус пал на колена и начал молиться, а когда молился, вознесен был превыше печалей и бедствий мира, который отверг Его. Он преобразился пред учениками, так что лицо Его блистало как солнце, а одежды стали белыми, как возвышавшийся над Ним снег; вся личность дышала божественным блеском. Такое небесное сияние апостолы могли сравнить только со светом, снегом и молнией. И вот около Него явились два человека (Матф. 17, 2; Марк. 9, 3; Лук. 9, 29). Когда в пустыне Он приготовлял Себя к великому делу, приходили и служили Ему ангелы; теперь же, когда Он приготовлял Себя к смерти, явились к Нему служители: один из гробницы, запечатленной некогда рукою Господней, другой из небесного покоя, которого достиг, не видя смерти. С Ним стояли Моисей и Илия и говорили о Его исходе. Когда же молитва была окончена, труд принят, тогда слава с небес осияла Его и произнесено было свидетельство: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение: Его слушайте».

Из повествования евангелиста Луки ясно, что апостолы не были свидетелями начала этого чудесного Преображения. Житель Востока по окончании молитвы обыкновенно завертывается в свою аббу (верхнюю одежду) (Исход 22, 26—27) и, легши на траве под открытым небом, в одну минуту погружается в глубокий сон. Как позднее в Гефсимании, так и теперь здесь апостолы уснули, будучи объяты тяжелым сном, но, внезапно пробудившись и придя в сознание, увидели и услышали сказанное.

Среди темноты ночи, изливая сильный свет на горную зелень, сияло прославленное лицо Спасителя. Возле Него, в тех же самых световых волнах славы, стояли два старца, в которых апостолы узнали или о которых услышали, что это были Моисей и Илия. Троица эта говорила друг с другом в тишине о предстоящей кончине в Иерусалиме, о которой апостолы только что предварены были Христом.

Когда же блестящее видение стало меркнуть и величественные посетители готовы были удалиться, когда Сам Господь вошел с ними в осенявшее их облако, — изумленный, пораженный и восхищенный Петр, опасаясь скорого их удаления, не зная, что сказать, не зная, что Голгофа представит бесконечно высшее зрелище, не зная, что здесь исполнялись «закон и пророчества», не вполне понимая, что Спаситель невыразимо выше Синайского пророка и Кармильского мстителя, воскликнул: «Наставник! хорошо нам здесь быть, сделаем три кущи; одну Тебе, одну Моисею и одну Илии». Но не дело Петра было устраивать вселенную для своего удовольствия. Ему надо было научиться, что мысль Голгофская выше мысли Фаворской. Не в облаке славы, не в огненной колеснице, не между Моисеем и Илиею должен уйти от них

Иисус, но с руками, простертыми в муках на позорном кресте, между двумя разбойниками, которые будут распяты с Ним по ту и по другую сторону.

На эти неосновательные речи Петра не последовало никакого ответа, но, когда он говорил, облако, не темное, как на Синае, но светлое, осенило их и голос из него сказал: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, Его слушайте». Все три апостола упали на землю и скрыли в траве лица свои (Матф. 17, 6). Когда же, опамятовавшись от поразившего их величественного звука голоса и объявшего их света, они подняли глаза свои, осмотрелись кругом, то все уже исчезло (Марк. 9, 8). Не стало ни светлого облака, ни ясного, как свет молнии, лица, ни белой, как снег, одежды. Они остались опять одни с Иисусом в том виде, в каком видели Его всегда и только звезды своим спокойным светом освещали высокие горные скаты.

Им страшно было встать и даже пошевелиться, но Иисус — Учитель их, подошед, прикоснулся к ним и сказал: «Встаньте и не бойтесь».

Вместе с рассветом они стали сходить с холма, но Иисус запретил им кому-либо рассказывать о событии, пока Он не воскреснет из мертвых. Видение было только для них и затаено ими в глубине сердец в полном молчании. Рассказать о нем другим апостолам значило бы возбудить в них зависть и удовлетворить своему себялюбию. До воскресения это событие не имело никакого значения для утверждения в вере и могло бы только затемнить понятие о том, в чем состоит дело Спасителя на земле. Они исполнили в точности Христово повеление, но никак не могли составить себе ясного понятия относительно Его намека о воскресении, а только спрашивали один у другого: что значит воскреснуть из мертвых?

Другой серьезный вопрос теснился в их умах. Они видели Илию и познали яснее, что Учитель их есть Христос. Но ведь и книжники говорят, что сначала должен прийти Илия и обновить все: не имеют ли они действительно поддержки в пророчестве Малахии (Малах. 4, 5). Тогда Спаситель сказал им, что Илия приходил, не был узнан и был подвергнут народом той же самой судьбе, которая вскоре свершится над Тем, о Ком он возвещал. Тогда-то апостолы поняли, что Он говорил им об Иоанне Крестителе.

Р. К.

ОБРАЗЫ ЦЕРКВИ ХРИСТА

«ЦЕРКОВЬ — ЭТО «НАРОД БОЖИЙ»
1 ПЕТР. 2, 9—10

Если мы возьмем Новый Завет на греческом языке, то увидим, что везде, где говорится о Церкви, стоит греческое слово «экклезиа».

Слово «экклезиа» означает «общество» — «народ». Вот почему Церковь Христа является «народом Христа». Но если мы возьмем Ветхий Завет на греческом языке (в переводе так называемых 70 толковников), то можно увидеть, что там тоже часто встречается слово «экклезиа», а именно — всякий раз, когда говорится о народе Божием, то есть об Израиле. Это дает нам основание говорить о «ветхозаветной церкви».

Ветхозаветный народ Божий и новозаветный народ Божий обозначаются в греческом Ветхом Завете и греческом Евангелии одним и тем же словом «экклезиа», то есть «церковь». Известно, что ветхозаветный народ Божий — Израиль — группировался вокруг скинии. Скиния была в центре народа. Она была прообразом Христа. В ней был жертвенник — прообраз Голгофского креста, в ней закалались агнцы — прообразы Агнца Божия, закланного на Голгофе.

Новозаветный народ Божий группируется вокруг Христа. Христос находится в центре Своей Церкви. Новозаветный народ Божий — Церковь, взирает на Христа и видит в Нем Бога, явившегося во плоти (1 Тим. 3, 16).

Церковь смотрит на Христа распятого и верит, что Он умер на Голгофском кресте за грехи всех людей. Кровь, пролитая Христом на Голгофе, занимает центральное место в богословии Церкви.

Церковь смотрит на Христа, воскресшего из мертвых, и верит, что Он воскрес для оправдания каждого верующего во Христа человека.

Церковь смотрит на Христа, вознесшегося и воссевшего на престоле славы, и видит в Нем главу Церкви, ведущую ее Своим божественным путем через все века ее существования.

Таково отношение Церкви к своему Создателю Христу.

Посмотрим теперь, что представляет из себя Церковь, как «народ Божий».

Апостол Петр перечисляет свойства Церкви, как народа Божьего. Он говорит, обращаясь к этому народу: «Вы — род избранный, царственное священство, народ святый, люди взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет; некогда не народ, а ныне народ Божий; некогда непомилованные, а ныне помилованы» (1 Петр. 2, 9—10).

Остановим наше внимание на каждом из перечисленных в Послании апостола Петра «свойств» народа Божьего, то есть Церкви Христа.

«Род», то есть народ «избранный»... Как же избирался Божий народ? Путем уверования во Христа.

Уверовавший во Христа становится членом Божьего народа, членом вселенской Церкви Христа.

Призыв веровать во Христа направлен Богом ко всем людям, но веруют не все, веруют «избранные».

«Царственное священство»... Народ Божий, Церковь Христа — это царственное священство. Каждый верующий во Христа человек — это священник Божий. Почему? Потому что задача каждого священника Божия — приносить жертвы Богу и славословить Его.

Мы все призваны к такому священнодействию: приносить жертвы Богу и славословить Христа, Спасителя наших душ. В этом именно смысле вся Церковь Христа является «царственным священством».

«Народ святой»... В каком смысле «святой»? В смысле «облеченности во Христа и Его святость». Всей церкви Христа пишет апостол Павел в Послании к Галатам 3, 27: «Все вы во Христа крестившиеся, во Христа облеклись». Мы святы не своей святостью, а святостью Христа. Церковь Христа облечена не только в «ризы спасения», но и в «ризы святости» Христа (Ис. 61, 10 и Ис. 8, 14).

«Люди, взятые в удел»... Что это значит? Это значит, что Церковь Христа — это «удел Христа» собственность Его, купленная Кровию Голгофы.

Апостол Павел пишет всей Церкви Христа, всему новозаветному народу Божьему в своем Первом Послании к Коринфянам 6, 19—20: «Вы не свои, ибо вы куплены дорогою ценою». Посему прославляйте Бога и в телах ваших и в душах ваших, которые суть Божии.

Мы все — удел Христа. Наш дух, душа и тело — Его достояние. Мы не принадлежим себе — мы принадлежим Христу. Вот почему Церковь Христа называется в Евангелии «народом Божиим», народом, принадлежащим Богу.

«Некогда непомилованные, а ныне помилованы»... Божий народ — помилованный народ, прощенный народ. Церковь Христа помилована, прощена во имя страданий и смерти Христа, во имя Его бесчисленных ран, во имя Его драгоценной Крови, пролитой для искупления нашей вины. Вот почему при принятии в церковь новообращенным задается вопрос — имеют ли они уверенность в прощении своих грехов, уверенность в своем помиловании. Ведь от уверенности в прощении и помиловании зависит радость спасения и песнь хвалы наших сердец. Только в помилованном народе Божием можно петь песнь: «Радость спасения все ныне воспоем, благодарение Господу принесем»...

Апостол Павел говорит и о призвании Церкви, как народа Божьего. Это призвание — возвещать совершенства Христа, призвавшего Свою Церковь из тьмы в чудный Свой свет.

Возвещать совершенства Христа — это значит показывать красоту Христа, подобно тому как в Книге Песни Песней невеста рисует красоту своего жениха. Но никакие слова о красоте Христа не покажут Его красоты, если жизнь народа Божьего не будет свидетельствовать о ней.

Слово Божие показывает два рода христиан.

1 Кор. 3, 3: «Вы еще плотские; ибо если между вами зависть, споры и разногласия, то не плотские ли вы и не по человеческому ли обычаю поступаете?» Это один род христиан. Могут ли такие христиане показать красоту Христа? Конечно, нет.

А вот другого рода христиане, Колос. 3, 12—15: «Облекитесь, как избранные Божии, святые и возлюбленные, в милосердие, благость, смиренномудрие, кротость, долготерпение, снисходя друг ко другу и прощая взаимно, если кто на кого имеет жалобу: как Христос простил вас, так и вы. Более же всего облекитесь в любовь, которая есть сово-

купность совершенства; и да владычествует в сердцах ваших мир Божий»... Только облеченные в любовь христиане могут являть красоту Христа.

Как народ Божий будем стремиться к жизни, полной любви, полной чистоты и святости, и к жизни, полной преданности Христу!

ЦЕРКОВЬ ХРИСТА, КАК МНОГОВЕТВИСТОЕ ДЕРЕВО
ЕВ. ИОАН. 15, 5—6

Слово Божие уже дало нам один замечательный образ Церкви Христа. А именно: Церковь Христа, как народ Божий. Теперь мы рассмотрим другой образ Церкви Христа, а именно: Церковь Христа, как многоветвистое дерево. Евангелие говорит нам, что это дерево двух родов. Христос говорит, что Церковь Его — это виноградное дерево.

Апостол Павел сравнивает Церковь Христа с масличным деревом. Это сравнение мы находим в Послании к Римлянам 11, 13—27.

Величественную картину церкви Христа рисует нам Христос в своей притче о виноградной Лозе и апостол Павел в своей притче о маслине. Рассмотрим эту картину. Обратим наше внимание прежде всего на виноградную лозу на этой картине. Христос говорит, что Он Сам является этой виноградной Лозою. Было время, когда эта божественная Лоза была без ветвей, одинокой. В Ев. Иоан. 1, 1 о Христе говорится: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог»...

Когда же появились первые ветви на этой Божественной виноградной Лозе? Тогда, когда вышли из рук Христа Его первые живые создания.

Кто же эти первые живые создания? Это ангелы Божии. Они имеют самую живую связь со Христом, своим Творцом, и поэтому являются самыми первыми ветвями этой небесной Лозы.

Не желая никому навязывать своего мнения, я все-таки хочу высказать мысль, что мир ангелов — это тоже своего рода Церковь Христа, не знающая ни пятна, ни порока. Ангелы — это небесные ветви божественной Лозы — Христа. Правда, часть их отпала от Христа — это так называемые «падшие ангелы».

С сотворением человека появляются и первые земные ветви виноградной Лозы — Христа. Адам и Ева — это самые первые ветви чудной Лозы Христа. Все дальнейшие ветхозаветные праведники были также ветвями виноградной Лозы — Христа.

Апостол Павел в приведенной нами из его Послания к Римлянам притче о маслине говорит о прививке к хорошей маслине, то есть о прививке к виноградной Лозе — Христу. И Он говорит, что прививка совершается через веру во Христа.

Все ветхозаветные праведники прививались к небесной маслине и к небесной виноградной Лозе через веру в грядущего Христа — Мессию. И, веруя в грядущего Христа, все праведники Ветхого Завета составили великую ветхозаветную церковь, то есть многоветвистое дерево, поскольку все они были ветвями на Лозе — Христе. После небесной церкви ангелов ветхозаветная церковь является второй Церковью Христа. Правда, порой, вследствие отступления израильского народа от живого Бога, ветхозаветная церковь сильно уменьшалась и доходила до небольшого сравнительно числа членов.

Вспомним ветхозаветную церковь в дни пророка Илии, когда она дошла только до семи тысяч членов. Но вот наступает время Нового Завета, и Бог во Христе говорит: «Я создам Церковь Мою»..., то есть новозаветную церковь, новозаветное многоветвистое дерево, ветви ко-

торого являются также ветвями все той же истинной виноградной Лозы — Христа. Эти новозаветные ветви привились к Лозе — Христу тоже через веру, причем через веру во Христа, уже умершего за грехи наши и воскресшего для оправдания нашего.

Притча Христа о виноградной Лозе и притча апостола Павла о хорошей и доброй маслине говорят о великом единстве ветхозаветной и новозаветной церкви. Обе церкви — одно дерево, ибо и ветхозаветные верующие и новозаветные верующие являются ветвями одной и той же небесной Лозы — Христа.

Вот почему Книга Откровения Иоанна говорит о 24-х старцах, поклоняющихся Агнцу Божьему, закланному за грехи мира. 24 старца — это 12 ветхозаветных патриархов и 12 новозаветных апостолов, представляющие пред Христом церкви Ветхого и Нового завета.

Чем теснее мы будем связаны со Христом, тем более живыми и плодоносными ветвями мы будем у этого многоветвистого дерева — Церкви Христа.

ЦЕРКОВЬ ХРИСТА, КАК САД
ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ, 4, 12—16

Какой чудный образ Церкви Христа дан нам в Книге Песни Песней — образ церкви — сада. «Запертый сад — сестра моя невеста»...

Мы знаем, что «невеста» в Книге Песни Песней является символом церкви Христа. «Запертый сад» — это сад, имеющий хозяина, сад обихоженный, в отличие от сада заброшенного, беспризорного, не только незапертого, но, может быть, даже с поломанной оградой.

Да, Церковь Христа — это сад, сад Божий! Но сады бывают двух родов: сады цветники и сады фруктовые. Церковь Христа — это цветник и сад плодовый.

Представим себе Церковь Христа, как цветник, как сад с цветами. Цветы обладают двумя известными всем людям свойствами: красотой и ароматом, благоуханием. Есть цветы, красота которых видна всем; и есть цветы, к которым надо внимательно присматриваться, чтобы увидеть или понять их красоту.

Возьмем для примера хризантему. Ее название означает: золотой цветок. Это цветок пышный, всем известной красоты. Но мы все знакомы и с другого рода цветком — цветком маленьким, растущим в самых укромных уголках, где его не сразу заметишь, — я имею в виду ландыш.

В Церкви Христа есть и «хризантемы» и «ландыши». Хризантемы в Церкви Христа не так многочисленны, но они есть. Это те дети Божии, которых апостол Павел называет «столпами» церкви. Это те верующие, которых все любят и уважают. Это те, которые блещут духовной красотой.

Но гораздо больше в Церкви Христовой «ландышей» — тех детей Божиих, духовная красота которых не бросается всем сразу в глаза, но при общении с которыми чувствуешь, как они все же прекрасны и полны «благоухания Христова».

Все мы знаем еще один удивительный цветок, у которого красота и благоухание сочетаются с очень неприятным свойством — колючестью. Это — тернистая роза.

В Церкви Христа много роз. Это — те дети Божии, в которых красота Христа сочетается со многими их неприятными природными качествами, похожими на колючие тернии.

Но в саду Божием, пожалуй, еще больше «кактусов». Эти растения совсем невзрачные, многие из них даже уродливые. Но от времени до времени на них появляются чудесные цветы большой красоты.

Большинство верующих, подобных кактусам, выглядят невзрачно, порой даже некрасиво, и вдруг, при известных обстоятельствах, они являют такую красоту, такое благоухание, что приходится только дивиться.

Жених в Книге Песни Песней обращается к «ветру» и говорит: «Поднимись ветер с севера, и принесись с юга, повей на сад мой, — и польются ароматы его». Задача Церкви Христа, как сада, как цветника — благоухать, благоухать «Христовым благоуханием».

Апостол Павел во 2-м Послании к Коринфянам говорит так: «Благодарение Богу, Который... благоухание познания о Себе распространяет нами во всяком месте, ибо мы Христово благоухание Богу в спасаемых и погибающих» (2 Кор. 2, 14—15).

Христос ожидает от Своей Церкви такого благоухания. И такому благоуханию содействуют ветры и южные и северные, то есть обстоятельства благоприятные и неблагоприятные в жизни нашей, как сказано: «Любящим Господа... все содействует ко благу» (Римл. 8, 28).

И ветры южные и ветры северные — всё ко благу, потому что и те и другие содействуют нашему большему «благоуханию» для славы Христа.

Но Церковь Христа не только цветочный сад, но и сад плодовый. Невеста в Книге Песни Песней говорит: «Пусть придет возлюбленный мой в сад свой и вкушает сладкие плоды Его». Наш «возлюбленный» — это Христос. Пусть же Он в саду Своем, в Церкви Своей вкушает «сладкие плоды» детей Своих.

Что же это за плоды? Много говорится о них в Писании, и список их весьма большой. Но возьмем из множества плодов Христовой Церкви некоторые и посмотрим, красуются ли они у нас.

В Послании ап. Павла к Галатам 5, 22—23 перечисляются некоторые плоды, которые Христос очень желает видеть в саду Своем, в Церкви Своей. К ним относятся: любовь, долготерпение, вера, радость, благость, кротость, мир, милосердие, воздержание. Девять плодов, но какие они прекрасные!

Если Церковь Христа — плодовый сад, то каждый член ее — плодовое дерево, которое должно быть богато этими плодами. Наслаждается ли Христос, живущий в нас, этими чудными плодами?

Возьмем любовь — как мало ее у нас!

Возьмем радость — как часто она отсутствует у нас!

Мир — как неспокойно в сердцах наших.

Долготерпение — как его не хватает нам!

Благость, то есть благожелательность, — как часто мы желаем зла нашим недругам и врагам.

Милосердие — как мы бываем черствы и несострадательны!

Веру — как мы все страдаем маловерием!

Кротость — как ее мало у нас и как много грубости.

И, наконец, возьмем воздержание — то есть удержание себя от всего неугодного Богу, — как часто мы выходим из рамок дозволенного Господом и Его Словом.

Итак, мы видим, как мало бывает «сладких плодов» в саду Божием, где их должно было бы быть в изобилии. Но зато немало «кислых плодов», то есть противоположного тому, что ищет Господь в саду Своем, в Церкви Своей.

Почему же нет изобилия этих «сладких» благодатных плодов? Потому что мы порой забываем, что это — плоды Духа, плоды Духа Святого. Потому что мы довольствуемся только одним плодом Святого Духа, который называется в Слове Божием «рождением свыше» или возрождением, или новым сердцем. Но Дух Святой производит в нас не только этот плод. Он хочет производить в нас и все девять, рассмотренных нами плодов (Галат. 5, 22—23) и многие другие плоды.

С нашей стороны, со стороны Церкви Христовой должно быть постоянное желание — иметь больше плодов Святого Духа. Больше и сильнее должны мы молиться, чтобы Дух Святой творил их в каждом из нас.

Будем взывать к Духу Святому: «Повей на сад Твой, на Церковь Твою, и произведи Твои чудные плоды в ней»!

ЦЕРКОВЬ ХРИСТА, КАК «ДОМ ДУХОВНЫЙ»
1 ПЕТР. 2, 4—5

Если мы приступим к рассмотрению Церкви Христа, как «дома духовного», то мы прежде всего остановим наше внимание на его основании, то есть на его фундаменте.

Об основании «дома духовного» хорошо и ясно говорит апостол Павел в 1 Кор. 3, 9—11: «Мы — соработники у Бога, а вы — Божия нива, Божие творение. Я, по данной мне благодати от Бога, как мудрый строитель, положил основание, а другой строит на нем, но каждый смотри как строит. Ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос».

Вот непоколебимый во веки веков фундамент церкви, краеугольный камень которого — Христос (1 Петр. 2, 6). «Верующий в Него и строящий на Нем — не постыдится». Дом, построенный на этом основании, на этом «камне» — Иисусе Христе выдержит все испытания. Так говорит Сам Христос в Ев. Матф. 7, 25: «И пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот; и он не упал, потому что основан был на камне».

«Дом духовный», то есть Церковь Христа, строится из «живых камней». Мы делаемся «живыми камнями» через веру в Иисуса Христа. Но здание Церкви Христовой должно быть прекрасным; не только величественным, но и прекрасным.

Известно, что храмы являются самыми красивыми зданиями на земле. Церковь Христа как «дом духовный» должна быть самым красивым строением. Но красота «дома духовного» зависит от красоты каждого камня в отдельности. Каждый «камень» в великом здании Церкви Христовой должен походить на «краеугольный камень», которым является Христос.

Христос — «камень драгоценный» (Петр. 2, 4—6). Драгоценные камни отличаются красотой. Наша задача — быть драгоценными камнями, как наш Господь Иисус Христос. Тогда «дом духовный» будет «храмом» чудеснейшей красоты, и мы будем «драгоценнейшими камнями» в «доме духовном», который есть Церковь Христа!

О том, что мы будем «драгоценными камнями», говорит ясно и определенно 21-я глава Книги Откровения Иоанна, ст. 19 по 21. Мы будем ясписами, сапфирами, халкидонами, смарагдами, сардониксами, сардониками, хризолифами, вириллами, топазами, хрисопрасами, гиацинтами, аметистами и жемчужинами. Каким же чудесным храмом будет красоваться Церковь Христа на новой земле!

Но превращение нас, пока еще таких неэрачных, хотя и «живых» камней, в камни драгоценные, в камни только что перечисленные, требует большой обработки каждого из нас. И эту обработку совершает Господь. Люди могут не видеть этой обработки, и мы, верующие, можем порой не замечать ее. Но она идет и идет — день за днем, год за годом...

Слово Божие говорит о постройке храма Соломонова в 3 Цар. 6—7: «Когда строился храм, на строение употребляемы были обтесанные камни; ни молота, ни тесла, ни всякого другого железного орудия не было слышно в храме при строении его». Молот, тесла — большие и

малые — употребляются для обработки физического камня. И они были в употреблении при обработке камней для Иерусалимского храма. Каждый камень обрабатывался вдали от Иерусалима, а в Иерусалиме клался камень к камню в обработанном уже виде, пока храм не засиял во всей своей красоте и во всем своем величии перед глазами не только иудейского народа, но и всех народов мира.

Так и «живые камни» «дома духовного», Церкви Христовой, обрабатываются вне стен «Нового Иерусалима», здесь на земле, а там, «в Новом Иерусалиме», они войдут в стены «духовного храма» как «драгоценные камни» и будут сиять неземной красотой — красотой Христа, этого «камня краеугольного», избранного, драгоценного (1 Петр. 2, 6).

Как же происходит обработка нас, верующих, как живых камней для «Нового Иерусалима», и как мы, такие неотесанные камни, превращаемся в камни драгоценные, подобные драгоценнейшему камню — Христу? Впереди сияет перед нами небесной красоты «Новый Иерусалим» с его стенами из ясписа и других драгоценных камней. Мы знаем, на основании Слова Божьего, что этими драгоценными камнями будут все верующие в Господа нашего Иисуса Христа и все любящие Его от чистого сердца. Но от неземной красоты этих драгоценных камней в «Новом Иерусалиме» обратим наш взор назад — в далекое прошлое этих чудесных камней. Это прошлое является прошлым и каждого из нас. Обратим внимание на Ис. 51, 1 — слова, призывающие всех верующих взглянуть назад: «Послушайте Меня, стремящиеся к правде, ищущие Господа! Взгляните на скалу, из которой вы иссечены, и в глубину рва, из которого вы извлечены».

Мы представляем себе камень, только что отсеченный от скалы; у него нет ни формы, ни блеска, ни красоты. Требуются молот, тесла и другие инструменты, чтобы он приобрел форму, блеск и красоту.

Но от языка притч, которым говорит к нам Господь в Своем божественном Слове, перейдем теперь к вопросу: как же обрабатывается человек, только что уверовавший во Христа и через веру в Него ставший «живым камнем»?

Прежде всего мы должны отметить величайшую, но совершенно бесшумную работу Духа Святого над каждым верующим, над каждым «живым камнем дома духовного». Эта работа Духа Святого от начала и до конца направлена к преображению каждого из нас в образ Христа. Об этой работе Духа Святого над нами мы читаем во 2 Кор. 3, 18: «Мы же все... преображаемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа».

Слово Божие, Святое Писание является также мощным средством для обработки «живых камней» и превращения их в камни драгоценные для «Нового Иерусалима». Об этой величайшей силе Слова Божия превращать верующих в драгоценные камни «дома духовного» апостол Павел пишет во 2 Тим. 3, 16: «Все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности, да будет совершен Божий человек ко всякому доброму делу приготовлен».

Писание содействует нашему совершенству, поэтому будем чаще подвергать себя его обработке.

Наконец, великой скульптурной мастерской, где мы также подвергаемся благословенной обработке, является наша повседневная жизнь с ее «теслами», превращающими нас в камни небесной красоты. Наш повседневный труд, наши ежедневные встречи с людьми, наше повседневное преодоление трудностей, больших и малых, несение нами наших крестов — все это благословенные «молотки» и «тесла» в руках нашего Господа, чтобы вытесать из нас «камни» чудесной красоты.

ЦЕРКОВЬ ХРИСТА, КАК «БОЖЬЕ СТАДО»

1 ПЕТРА. 5, 1—14; ЕВ. ИОАН. 10, 27

Сравнение людей, верующих во Христа, с овцами может казаться оскорбительным. Но оно не будет оскорбительным, если мы поймем, что Библия — книга Востока и авторы ее — люди земледельческой страны, где овца была самым обычным домашним животным, а стада овец самым обычным зрелищем.

Язык Библии был хорошо понятен жителям Востока того времени, но он понятен и людям Запада, и овца известна и сегодня, как самое обычное домашнее животное. Вот почему Христос, поучая народ Палестины, употреблял образы и сравнения столь ему понятные и близкие его сердцу. Народ Палестины хорошо знал нравы овец и высоко ценил их «добрых» пастырей.

Образ церкви Христа, как «Божьего стада», как стада «овец» Христовых, хорошо понятен и современному христианству. Есть много картин, изображающих Церковь Христа, как стадо овец. Имеется много духовных песен, в которых дитя Божие сравнивается с «овцою» Христа, как, например, наша песнь: «Я есмь овца Иисуса; Он — Пастырь добрый мой»... Все мы знаем также чудный Псалом псалмопевца Давида: «Господь — Пастырь мой, я ни в чем не буду нуждаться: Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим» (Пс. 22, 1—2).

Образ Христа, как Пастыря, и верующих, как овец Его, очень понятный для всех образ и не требует больших истолкований. Он говорит сам за себя.

Рассмотрим теперь этот чудный образ Церкви Христа, как «Божьего стада». В притче Христа о добром пастыре говорится, что «пастырь добрый полагает жизнь свою за овец» (Иоан. 10, 11). Христос — Пастырь, положивший жизнь Свою за «овец», за всех людей — ради их вечного спасения. Но среди «овец», за которых умер Христос, есть два рода овец: овцы блуждающие и не имеющие пастыря (Ис. 53, 6; Матф. 9, 36), и овцы найденные и приведенные в стадо, Пастырем которого является Христос. Он Сам называет нас «Своими» овцами, говоря: «Овцы Мои слушаются голоса Моего, и я знаю их, и они идут за Мною»...

Христос говорит о трех чертах Своих овец: а) они слушаются голоса Его; б) они хорошо известны своему Пастырю — Христу — «Я знаю их»; в) они идут за своим Пастырем.

Итак, первая черта овец Христовых — они слушаются голоса своего Пастыря. Стадо Христово, то есть Церковь Христа, внимает голосу своего Пастыря — Христа. Она внимает Его словам, Его советам, Его обличениям, Его повелениям. Церковь слышит голос Христа в проповедях, со страниц Священного Писания, среди природы, проповедующей славу Божию. Но лучше всего она слушает у ног Христа, когда уподобляется Марии.

Христос говорит далее, что Он знает Своих овец. Он знает наши телесные недуги и наши болезни духа; Он знает наши искушения, наши сокровенные желания, наши горечи и слезы, которых люди могут не видеть. Он знает наши опасения, наши тревоги, наши жертвы, людям неведомые; Он знает наши тайные прикосновения к краю Его одежды, чтобы получить от Него исцеление или утешение, или необходимую нам силу.

Добрый Пастырь — Христос знает каждую Свою овцу. И как это сознание должно радовать все «Божье стадо», всю Его церковь; и вместе с Петром каждая овечка стада Христова может сказать своему Пастырю: «Господи! Ты все знаешь; Ты знаешь, что я люблю Тебя» (Иоан. 21, 17).

И третья чудная черта овец Христа: они идут за Ним. Их взор устремлен на Пастыря. Каждая овечка говорит своему Пастырю — Христу: «Я пойду за Тобою, куда бы Ты ни пошел» (Лук. 9, 57). И пути эти бывают и бархатные — как будто по ковру идешь, — и тернистые, болью ранящие ноги. Добрый Пастырь — Христос говорит о Своих овцах: «они идут за Мною», и по бархатной дороге, и по тернистому пути. Таковы овцы Христа, такова Церковь Его.

Вот что говорит одна из овец Господних — Давид: «Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим». Эти слова может повторить каждая «овца» Христова и все «Божье стадо», вся Церковь Христа.

Что это «за злачные пажити» и что это за «тихие воды», которые утоляют голод и жажду овец Христовых? Это есть не что иное, как Слово Божие. Его божественные страницы — поистине «злачные пажити» и «воды тихие».

Об этих «злачных пажитях» Христос сказал в пустыне: «Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Матф. 4, 4). А о «водах тихих» Он сказал в беседе с самарянкой: «Всякий пьющий воду сию возжаждет опять, а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек, но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную» (Иоан. 4, 13—14).

Вот на каких «злачных пажитях» покоит Свою Церковь Христос, и вот к каким «водам тихим» Он ее водит. Каждое богослужение в Церкви Христа — это «злачная пажить» и «тихие воды». Всякий раз, когда мы берем божественную Книгу — Библию, — мы оказываемся на «злачных пажитях» и у «вод тихих».

Образ Церкви Христа, как «Божьего стада», являет нам чудное единство Церкви, единство всех «овец Христовых». Ведь Пастырь один: Иисус Христос, и нет другого. И Христос говорит так ясно о единстве всех верующих в Него: «Одно стадо и Один Пастырь» (Иоан. 10, 16).

И чтобы это единство между верующими «овцами» «Божьего стада» возрастало, надо только одно — все большее приближение каждого верующего ко Христу и каждой овцы Христовой к своему Пастырю — Христу. И тогда мы все убедимся, что чем мы будем ближе ко Христу, тем мы будем ближе друг к другу.

ЦЕРКОВЬ ХРИСТА, КАК «ТЕЛО ХРИСТОВО»

1 КОР. 12—27

Образ Церкви Христа, как Тела Христова, употребляется проповедниками и богословами чаще, чем другие образы Церкви, за исключением, может быть, только еще одного образа — Церкви Христа, как невесты Христовой. Да и все верующие больше всего знакомы именно с этим образом церкви. Мы легко отвечаем на вопрос, что такое Церковь Христа. Церковь Христа — это тело Христа. Но понятно ли нам это сравнение? О чем говорит оно нашим сердцам? Чтобы этот образ Церкви стал нам понятен, мы должны познакомиться с человеческим телом.

Говоря о человеческом теле, мы должны прежде всего сказать, что оно состоит из миллиардов так называемых клеток. И что особенно важно, так это то, что каждая клетка имеет в себе жизнь.

Миллионы верующих во Христа — это живые «клетки» тела Христова. Все верующие во Христа являются носителями жизни Христа, получившими эту жизнь через возрождение от Духа Святого.

Клеточная теория строения живых организмов стала известна человечеству благодаря изобретению микроскопа. Пока не появился микро-

скоп, тело человека, как и всякого живого существа, было глубокой тайной.

И если бы не Слово Божие, мы понятия не имели бы о Церкви Христа; она была бы для нас глубокой тайной. Итак, усвоим великую истину: если Церковь Христа — тело Христово, то мы — живые клетки тела. Каждая клеточка тела Христова получила свою жизнь от Того, Кого апостол Петр в день Пятидесятницы назвал «начальником жизни», то есть от Христа. И жизнь сохраняется в каждой клеточке тела Христова только благодаря ее связи со Христом.

Но мы не только живые клетки тела Христова, мы и члены этого Тела. Слово Божие не говорит о «клетках» Тела Христова, но сравнение верующих с клетками прекрасно объясняет нам жизненность Церкви. Но с членами Тела Слово Божие сравнивает верующих. И это сравнение богато поучением для всех нас. «Вы — Тело Христово, а порознь — члены»,— говорит апостол Павел. В наше время вместо слова «члены» употребляется слово «органы».

Итак, говоря современным языком, мы — органы Тела Христова. Но что значит «орган»? Словарь иностранных слов говорит: «Орган» — это часть организма животного или растения, имеющая определенное строение и выполняющая определенные функции.

И другое еще пояснение: орган — это орудие, инструмент, средство. Согласно такого объяснения слова «орган» нам будет ясно, что из себя представляют верующие как «члены», то есть как «органы» Тела Христова.

Возьмем для примера только четыре органа тела: глаз, руку, ухо и ногу — и рассмотрим их сперва с точки зрения их строения и внешнего вида. Что общего по внешнему виду у глаза и руки или у уха и ноги? Не похожи они и с точки зрения функций, которые они выполняют.

И действительно, как различны функции глаза и руки или уха и ноги. Но как они едины с точки зрения принадлежности к одному и тому же организму, к одному и тому же телу и с точки зрения подчинения одному руководству.

Посмотрим теперь на Церковь Христа. Какое в ней разнообразие по ее внешнему устройству. Возьмем искренне преданного Христу католика и поставим рядом с ним евангельского христианина. Как мало между ними сходства во взглядах на внешнее устройство Церкви, на обряды Церкви. А между тем оба они — члены одного и того же Тела, Тела Христова.

Как не похожи друг на друга и верующие одной и той же церкви! Сколько различных мнений и пониманий по одним и тем же вопросам. И все же мы все — члены одного и того же Тела — Тела Христова.

Не может глаз сказать руке: ты мне не нужна, и у нас с тобой ничего нет общего — мы так не похожи друг на друга. Не может и не должно быть такого разговора и между ухом и ногой. Сходства между ними действительно мало, но единство полное, потому что они все — части одного тела и выполняют общий труд, общую работу.

И функции членов тела также различны. Функции глаза — одни, функции руки — совершенно другие. Функции уха — одни, функции ноги совершенно другие. Если органы тела — инструменты, то и глаз — инструмент, и рука — инструмент, и ухо — инструмент, и нога — инструмент. И если мы — члены Тела Христова, то и мы — инструменты, выполняющие самые различные функции у нашего Господа. Глаз не должен говорить руке: как жаль, что я не рука. Не должен он и превозноситься перед рукой: я — лучше тебя, или я — нужнее тебя, или я — важнее тебя.

Не должен брат ты говорить: как жаль, что я не проповедник на кафедре; или же ты, сестра, не говори, как жаль, что я не певица в

хоре. Пусть никто из вас не говорит другому: я — нужнее тебя, или я — важнее тебя.

Господу нужен каждый из нас. Каждому из нас предназначено от Него свое поле действия и свой план работы. Жизнь каждого из нас — это план Божий. Будь верен на твоем посту и в твоей работе, будь хорошим инструментом в руках твоего Господа и совершенствуйся все больше и больше! Нам может не нравиться наше служение, но будем помнить слова одной нашей песни: «Ты на месте стоишь, что Господь тебе дал, на том месте, куда Он поставил тебя»...

Обратим внимание еще раз на служение органов нашего тела: вот, к примеру, служение наших глаз — как оно спокойно и в какой чистоте совершается; мы охраняем глаза от малейшей пылинки. Служению наших глаз могут завидовать другие органы нашего тела, например, наши ноги, которым так достается от пыли и грязи и которым приходится нести на себе всю тяжесть нашего организма.

Но служению наших ног могло бы позавидовать наше сердце: как ни трудна работа ног, но ночью они отдыхают, в то время как сердце не знает отдыха ни на одну минуту. Если бы оно перестало работать хотя на одну минуту — наступила бы катастрофа всего нашего организма.

Остается сказать одно: служение всех органов нашего тела распределено Творцом с величайшей мудростью, и каждый орган выполняет свое служение для блага всего тела. С такой же гармонией совершается и служение членов Тела Христова, то есть Церкви Христа, хотя мы можем этого и не замечать.

Но кто же руководит гармоничным служением органов или членов тела? В физическом теле этим руководителем является головной мозг. От головы исходит управление всеми функциями нашего тела, как внешними, так и внутренними. А что говорит Слово Божие о теле Христовом, то есть Церкви Христа? Прочтем Ефес. 1, 22—23: «И все покорил под ноги Его, и поставил Его выше всего, главою церкви, которая есть Тело Его»... Главою Церкви, главою Тела Христова является Христос. Руководство жизнью и служением Церкви находится в руках Христа (Откр. 1, 16 и 20).

Будем хвалить и славить нашего Господа за Его чудное руководство Церковью и каждым ее членом и за выполнение через Церковь Своих божественных предначертаний.

ЦЕРКОВЬ, КАК НЕВЕСТА ХРИСТОВА
ЕВ. МАТФ. 25, 1—13

Образ церкви, как невесты Христа, рисует нам чудное качество каждой верующей души. Это качество — ожидание «Жениха», Христа, и горячее желание Его пришествия!

Если среди нас есть невеста, жених которой находится в отъезде, то ее переживание можно выразить одним словом: ожидание. Чем бы невеста ни занималась, она исполнена ожиданием возвращения жениха.

Может быть, кто-либо скажет: но в притче Христа о десяти девах самой невесты не видно. Да, это так, но ее представляют десять дев. Истинная Церковь Христа — это Вселенская Церковь, и она тоже невидимая Церковь, невидимая «Невеста» Христа. Но эту невидимую Церковь представляют отдельные видимые поместные церкви. Вот эти поместные видимые церкви и представлены в притче Христа десятью девами.

Десять дев — это полнота Церкви, как Невесты Христа. Как же изображены десять дев в притче Христа? Все они ожидают жениха, все они жаждут его прихода, все они вышли встречать его. Именно такой

невестой является Церковь Христа, она ждет своего божественного Жениха, она жаждет Его прихода, она идет встречать Его.

У всех дев в притче Христа горящие светильники в руках. Что представляют из себя эти светильники? Светильники — это сердца детей Божиих, сердца, горящие любовью к Жениху, ко Христу. Для невесты характерно сердце, полное огня к своему жениху. Для Церкви, как Невесты Христа, также характерно сердце, полное огня ко Христу.

Десять дев в притче Христа разделены на две группы: на пять мудрых и пять неразумных. В чем же была разница между ними? Разница была в том, что у мудрых дев были с собой сосуды с маслом, а у неразумных дев запаса масла не было. И эта разница сказалась вскоре: у неразумных дев светильники начали гаснуть, а пополнить их маслом было не из чего.

Людям, которым Христос говорил эту притчу, было очень хорошо понятно угасание светильника за отсутствием в нем масла. Нам, людям электрического века, это стало менее понятно; но те из нас, которые пользуются для освещения керосином, тоже хорошо поймут эту притчу.

Но что значит иметь запас масла в духовном смысле? Это значит — иметь больше духовных благ, чем одно только обращение и возрождение или прощение грехов. В день нашего обращения ко Христу светильник нашего сердца начал гореть, и он продолжает гореть у каждого возрожденного человека. Но для горения постоянного, горения долголетнего, горения среди ветров и ураганов, горения до встречи со Христом — недостаточно одного обращения или возрождения. Для такого горения необходимо еще стремление к чистой и святой жизни, к исполнению Духом Святым, к углублению в познании Слова Божия и Божиих истин. Вот это и есть тот «запас масла», который ни при каких условиях не даст погаснуть нашим светильникам.

Мы должны знать, что есть два рода христиан: христиане минимума и христиане максимума. Христиане минимума — это неразумные девы, не заботящиеся о запасе масла, удовлетворяющиеся только возрождением, полученным от Господа.

Христиане максимума — это те дети Божии, которые изо дня в день обогащаются все новыми и новыми духовными благами, все новыми и новыми силами, все новыми и новыми духовными познаниями. Это и значит — быть девами мудрыми, с богатым запасом «масла». А о том, что светильники у верующих могут угаснуть, Христос говорит очень ясно: «И по причине умножения беззакония, во многих охладеет любовь» (Ев. Матф. 24, 12).

Христос говорит в притче о десяти девах, что девы не выдержали — задремали и уснули. Это не греховный сон и не охлаждение в любви ко Христу, а временное утомление. Ведь задремали не только неразумные, но и мудрые.

Пророк Илья был сильным и преданным Господу служителем, но и он однажды сильно утомился не только физически, но и духовно, и в своем утомлении заснул.

Христос в Своей притче не упрекает дев в том, что они заснули: ведь жених замедлил, и утомление дало себя знать. А утомление — это то, что бросает в сон самого сильного и самого крепкого человека. «Невеста» Христа — Церковь — может утомляться на своем пути к «брачному пиру» и нуждаться в отдыхе, как сказал однажды Христос Своим утомленным апостолам: «Пойдите... в пустынное место и отдохните немного» (Ев. Марка 6, 31). «Но в полночь раздался крик: «Вот, жених идет, выходите на встречу ему». И девы встали и поправили свои светильники, но у неразумных светильники начали гаснуть... и кончилось тем, что они не попали на брачный пир. Мудрые девы были участниками брачного пира, неразумные девы не попали на него.

В этом для нас большой урок: Слово Божие говорит о двух родах верующих — о верующих, которые, как победители, получат награду от своего Господа, о чем так ясно говорят 2 и 3 главы Откровения Иоанна, и о верующих, которые едва спасутся, о чем тоже очень ясно говорит апостол Павел в своем Первом Послании к Коринфянам 3, 15.

Будем стремиться иметь не только возрожденное сердце, но и сердце с богатым запасом масла, то есть сердце с богатым запасом силы Духа Святого; с богатым запасом знания Слова Божия; сердце, черпающее от полноты Христа «благодать на благодать». От начатков учения Христа будем стремиться к совершенству, чтобы нам быть «невестой» с неугасимой любовью к нашему божественному «Жениху» — Христу, дабы нам донести горящий светильник сердца до того дня, когда раздастся крик: «Вот жених идет! Выходите навстречу Ему!»

Как мне нравится картина, изображающая Церковь Христа, как невесту: дева смотрит пристально в небеса и простирает к ним свои руки, в которых ярко светит горящий светильник. Дева — вся в ожидании, и все ее существо как бы говорит: «Ей, гряди, Господи, Иисусе!»

Такой должна быть Церковь Христа. Вся в ожидании своего божественного «Жениха!»

А. В. Карев

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ

Приближался праздник Пасхи, по-еврейски «Пейсах», что значит освобождение. Еще он назывался праздником «Опресноков». Одновременно приближался к концу период земной деятельности Христа. Чудо воскрешения Лазаря особенно встревожило руководителей иудейского народа — первосвященников и книжников. «Тогда многие из иудеев... уверовали в Него» (Иоан. 11, 45). «Впрочем, и из начальников многие уверовали в Него» (Иоан. 12, 42). Все это вынудило первосвященников и фарисеев спешно собрать совет. На этом совете говорилось: «Что нам делать? Этот Человек много чудес творит; если оставить Его так, то все уверуют в Него,— и придут римляне и овладеют и местом нашим и народом» (Иоан. 11, 47 и 48). На этом совещании первосвященник Каиафа произнес свои пророческие слова: «Лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб». Совещание единогласно пришло к решению: убить Иисуса. После этого решения первосвященники и книжники стали искать удобный случай для осуществления своих замыслов. Этот случай им представился вскоре. Иуда, один из двенадцати апостолов Христа, пришел к первосвященникам и старейшинам народа и предложил свои услуги: за 30 серебренников предать им Иисуса. Все это произошло за два дня до Пасхи, как говорит Евангелист Марк (14, 1).

«В первый же день опресночный приступили ученики к Иисусу и сказали Ему: где велишь нам приготовить Тебе Пасху?» (Матф. 26, 17). Евангелист Иоанн об этом передает так: «Перед праздником Пасхи Иисус, зная, что пришел час Его перейти от мира к Отцу, явил делом, что, возлюбив Своих сущих в мире, до конца возлюбил их» (Иоан. 13, 1). По ходу дальнейших повествований о взятии Иисуса в Гефсимании, Его распятии, смерти и воскресении все четыре Евангелиста по дням недели сходятся между собою. А когда мы начинаем определять время по еврейскому времяисчислению, то как будто получается несоответствие между сообщением Матфея, Марка и Луки, с одной стороны, и Иоанна — с другой. Праздник Пасхи у евреев начинается 14 дня месяца Авива (Исх. 12, 3 и 6; Втор. 16, 1). По Матфею, Марку и Луке, Христос, выходит, совершал Пасху с учениками 14 дня месяца Авива, а по Евангелию от Иоанна — как будто раньше: «перед праздником Пасхи». Описывая дальнейшие события, Иоанн говорит: «От Каиафы повели Иисуса в преторию. Было утро; и они не вошли в преторию, чтобы не оскверниться, но чтобы можно было есть Пасху» (Иоан. 18, 28). Следовательно, Иисус был приведен в преторию Пилата утром 14 дня Авива, а вечером в этот день должны были есть Пасху. А поэтому тайная вечеря Христа с учениками, по Иоанну, была совершена не 14, а 13 дня Авива. Внимательно читая Евангелие от Марка, мы находим у него такие слова: «В первый день опресноков, когда закалали Пасхального агнца» (Марк. 14, 12), у Луки: «Настал же день опресно-

ков, в который надлежало закалать пасхального агнца» (Лук. 22, 7). Эти объяснительные слова Матфеем были опущены, так как он свое Евангелие писал для евреев, которые знали закон и прекрасно понимали, о чем идет речь в 17 стихе 26 главы.

Ученый гебраист Д. А. Хвольсон после исследования этого вопроса дает следующее объяснение:

«Если 14 число Авива совпадает с пятницей, то пасхальный агнец не мог быть закалаем после захода солнца в этот день, так как в это время начинается суббота, в которую не разрешалось его закалать. В год распятия Иисуса Христа 14 день Авива совпал как раз с пятницей. Поэтому заклание пасхального агнца для всех евреев было перенесено на 13 день Авива, то есть на вечер четверга. Из изложенного выше нам становится ясно, что все четыре евангелиста говорят о том, что тайная вечеря была совершена вечером 13 дня Авива или, по еврейскому исчислению, в начале 14 дня Авива, так как после захода солнца уже начинался новый день, а не после 12 часов ночи, как у нас».

В четверг, 13 дня месяца Авива (Нисана), днем, ученики обратились с вопросом к своему Учителю: «Где велишь нам приготовить Тебе Пасху?» Он сказал им: «При входе вашем в город встретится с вами человек, несущий кувшин воды; последуйте за ним в дом, в который войдет он». Петр и Иоанн поступили так, как сказал им Учитель. Встретив этого человека на улице Иерусалима, они пошли вслед за ним в дом, куда вошел он, и, уже находясь с ним в доме, спросили его: «Учитель говорит, где комната, в которой Он мог бы есть пасху с учениками?»

Кто был этот человек, приготовивший Христу в своем доме комнату для совершения пасхи? Имени этого человека Дух Святой не оставил на страницах Евангелия. Некоторые богословы предполагают, что это был Никодим, тайный ученик Христа, фарисей, начальник иудейский. Может быть, в их догадках и есть доля правды. Во всяком случае, человек этот был богатый, так как он для Учителя приготовил комнату большую и устланную. Несомненно, это был друг Иисуса Христа, специально для Него оставивший комнату в своем доме. В Иерусалиме в день вкушания пасхального агнца было очень трудно найти помещение из-за большого числа иудеев, собиравшихся на праздник Пасхи. Согласно указаниям Моисея во Второзаконии (16 глава, стихи 5 и 6), закалать Пасху можно было только в Иерусалиме. «Не можешь ты закалать Пасху, в котором-нибудь из жилищ твоих, которые Господь, Бог твой, даст тебе; но только на том месте, которое изберет Господь, Бог твой, чтобы пребывало там имя Его». «Три раза в году весь мужской пол должен являться пред лицо Господа, Бога твоего, на место, которое изберет Он: в праздник опресноков, в праздник седмиц и в праздник кущей» (Втор. 16, 16).

Петр и Иоанн купили агнца, так как порядок, установленный Господом через Моисея, покупать пасхального агнца в 10 день месяца Авива, ко времени Христа, не соблюдался. До наступления вечера они приготовили все, что было нужно для вкушания пасхального агнца, а после вечерней жертвы был ими заклан и приготовлен агнец. В Галилее в 14 день Авива никаких работ не производилось, а в Иерусалиме все работы в этот день прекращались в середине дня. Около двух часов дня трубный звук возвещал всем собравшимся в Иерусалиме, что священники и левиты в храме были готовы, ворота дворов храма открывались. Длинные вереницы людей проходили через двор женщин, красиво убранный материями, подходили к воротам двора священников с агнцами на плечах и с ножами, прикрепленными к шнурам агнцев или к их рогам. Здесь священники осматривали агнцев, чтобы они были без всякого порока.

Около двух с половиной часов закалалась вечерняя жертва, а спустя час жертва возлагалась на жертвенник. После этого троекратный звук труб священников и хор левитов, запевавший великое аллилуия, давали знак для закалания пасхальных агнцев. Владельцы агнцев закалали их, а священники с большими серебряными и золотыми сосудами в руках наполняли их кровью закалаемых агнцев, передавали их священникам, стоявшим позади, пока сосуды не доносились до жертвенника; у подножия его кровь выливалась. После захождения солнца начинался новый день, и тогда агнец запекался. Праздник начинался после заката солнца и при появлении первых звезд, о чем возвещалось новыми трубными звуками из храма.

Когда настал вечер, Иисус пришел с учениками в приготовленную горницу и возлег с ними. В древности существовал обычай вкушать Пасху стоя, но раввины изменили его на обычай возлежания. Есть стоя, говорили они, было прилично только рабам, а так как Израиль состоял из свободных, а не из рабов, то они должны были вкушать Пасху, возлежа на ложах.

Это был последний вечер в земной жизни Иисуса, наедине с любимыми друзьями перед страданиями и вдали от городской сутолоки и шума, вызываемого на улицах Иерусалима большим стечением народа, в большой комнате наверху дома, устланной коврами и ярко освещенной огнями множества светильников, расположился Учитель с учениками.

После пыльной дороги надо было омыть ноги, прежде чем приступить к трапезе. Учитель ждал, кто из Его друзей займет место слуги и совершит это омовение, так как в этом интимном кругу никто из слуг хозяина горницы не присутствовал, но ни один из учеников не выразил желание выполнить это. И вот Тот, Кто является Сыном Божиим, Самим Богом, потому что Он «Бог явившийся во плоти» (1 Тим. 3, 16), встает, снимает с Себя верхнюю одежду, препоясывается полотенцем, наливает воду в умывальницу и начинает омывать пыльные ноги Своих учеников, наклоняясь к каждому, и отирает их полотенцем. Творец омывает ноги Своему творению! Брат и сестра, представь себе эту картину и вдумайся в ее содержание поглубже. В этот момент происходит известный нам разговор у Петра со своим Учителем: «Господи! Тебе ли умывать ноги мои?» «Что Я делаю, теперь ты не знаешь, а уразумеешь после,— ответил ему Иисус,— омытому нужно только ноги умыть, потому что чист весь: и вы чисты, но не все». Никто из учеников не понял намека Учителя на предателя. Он, продолжая с ними беседу, приводит им слова Писания: «Ядущий со Мною хлеб поднял на Меня пяту свою» (Пс. 40, 10). Иисус, видя, что они не понимают Его слов, сказал им прямо: «Истинно, истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня». Ученики поняли теперь слова своего Учителя и, недоумевая, кто из них может решиться на такой поступок, озирались друг на друга, желая узнать, кто это.

Иоанн, возлежавший рядом с Учителем, голова которого касалась груди Иисуса, по знаку, данному ему Петром, тихо спросил у Него: «Господи! кто это?» Иисус также тихо ответил ему: «Тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам». И обмакнув кусок хлеба в блюдо, подал его Иуде Искариоту и сказал: «Что делаешь, делай скорее». Настоящего значения этих слов никто не понял; некоторые подумали, что Учитель поручил ему что-нибудь купить к празднику или же дать что-нибудь нищим. После этого Иуда вышел из горницы. Все это происходило во время вкушания пасхального агнца.

По иудейскому, обычаю, вечеря начиналась так. Один из возлежащих наливал в чашу красное вино и подливал в нее четвертую часть воды. Эту чашу передавал хозяину вечери, который, взяв ее в руки, благодарил Бога: «Будь благословен, Господи, Боже наш, Ты, Царь мира, со-

здавший виноградный сок». Затем он отведывал вина из чаши и передавал чашу остальным присутствующим. После этого возносилось благодарение за учреждение омовения рук и за самое омовение, которое совершалось только для формы. Потом ставились на стол горькие травы, напоминавшие о трудной жизни в чужой земле.

Благодарения воздавались и за горькие травы. Потом горькие травы передавались вокруг, и их ели после опускания в смесь из соли и уксуса. Затем ели опресночный хлеб. Дальше подавался пасхальный агнец. После всего этого глава собрания еще раз произносил благодарение Богу, «сотворившему плоды земные». Теперь во второй раз наливалась та же чаша вином, смешанным с водой; произносилась речь о значении праздника, и затем воспевались 112 и 113 псалмы. Затем произносилось краткое благодарение, и чаша с вином еще раз обносилась кругом, и все пили из нее.

Хозяин вечери вымывал свои руки снова и затем брал два опресночных хлеба, разломив один из них крестообразно, клал куски на другой хлеб и произносил молитву: «Да будет благословен Бог, благословляющий хлебу возрастать из земли». Кусок преломленного хлеба он обкладывал несколькими горькими травами, обмакивал его в харозет — блюдо, составленное из фиников и смокв, и ел его с частью агнца, произнося еще одно особенное благодарение. Другие, присутствующие на вечери, следовали его примеру. С этого и начиналась сама вечеря. Брали пальцами из общего блюда. Третья чаша вина, обносимая вокруг, означала окончание вечери как религиозного торжества.

Не подлежит сомнению, что Иисус Христос совершал пасху по установившемуся у иудеев обычаю, изложенному нами выше. Эта мысль подтверждается тем, что Евангелист Лука начинает описание вечери с последней, третьей чаши религиозного торжества вкушания пасхального агнца. «И взяв чашу и благодарив, сказал: примите ее и разделите между собою; ибо сказываю вам, что не буду пить от плода виноградного, доколе не придет Царствие Божие» (Лук. 22, 17—18).

Незнание обычая совершения Пасхи иудеями многих верующих приводило в недоумение, о какой чаше перед преломлением хлеба упоминает Лука в своем Евангелии.

Таким образом, когда было закончено третьей чашей совершение ветхозаветной Пасхи нашим Спасителем, Он приступает к совершению новозаветной вечери, оставленной христианам всего мира для выполнения ее «в Его воспоминание» и на время, «доколе Он придет» (1 Кор. 11, 25 и 26).

Иисус, взяв хлеб, возблагодарив, преломил его и, подавая ученикам, сказал: «Сие есть тело Мое, которое за вас предается; сие творите в Мое воспоминание».

Затем Он взял чашу с вином и, возблагодарив, подал ученикам и сказал: «Сия чаша есть новый завет в Моей Крови, которая за вас проливается».

Во все время совершения вечери Иисус продолжал беседу со Своими одиннадцатью друзьями. Он дает им Свои последние наставления: «Кто из вас больше, будь как меньший, и начальствующий, как служащий. Ибо кто больше: возлежащий или служащий? не возлежащий ли? А Я посреди вас, как служащий. И Я завещавал вам, как завещал Мне Отец Мой, Царство, да ядите и пьете за трапезою Моею ь Царстве Моем, и сядете на престолах судить двенадцать колен израилевых».

Какой чудный урок заключается в этих словах Иисуса для христиан всего мира и всех времен! Это — урок гуманости.

«Дети! Недолго уже быть Мне с вами: будете искать Меня, и, как сказал Я иудеям, что, куда Я иду, вы не можете прийти, так и вам говорю теперь. Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как

Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга; потому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою».

Христос говорит об одном признаке, который будет подтверждать всему миру о их принадлежности к числу Его учеников — это *любовь*. «Знамя его надо мною — любовь» (Песни Песней 2, 4). Вот знамя, которое должно быть в руках всякого христианина, и если нет в твоих руках этого знамени — значит, ты не принадлежишь к числу Его учеников.

Пылкий, как всегда, Петр спрашивает своего Учителя, куда Он идет? На это Иисус ему отвечает, что теперь он не может идти за Ним, а пойдет только потом. «Господи! Почему я не могу идти за Тобою теперь? Я душу мою положу за Тебя». Какая самоуверенность была у Петра, как плохо он знал самого себя! Есть и теперь такие пылкие и слишком самонадеянные христиане, подобно Петру плохо знающие самих себя. Таким христианам хочется напомнить слова апостола Павла, сказанные Тимофею: «Вникай в себя» (1 Тим. 4, 16), а один из философов сказал так: «Познай самого себя». Иисус открывает Петру, каков он: «Истинно, истинно говорю тебе: не пропоет петух, как отречешься от Меня трижды».

Иисус, видя смущение учеников, сказал им: «Да не смущается сердце ваше; веруйте в Бога и в Меня веруйте». Он говорит им, что для них приготовлены обители в доме Его Отца, что они знают, куда Он идет, и путь им этот известен. На слова Фомы о том, что они не знают, куда Он идет, ни пути Его, Иисус сказал, что Он есть путь, истина и жизнь, и к Отцу можно прийти только через Него; другого пути не существует. «Видевший Меня, видел Отца». Мы, христиане, бываем часто похожи на Филиппа и способны задавать точно такой же вопрос: «Господи! Покажи нам Отца». Это происходит только потому, что мы еще так мало знаем Христа. «Если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего». О некоторых христианах ап. Павел сказал: «К стыду вашему скажу, некоторые из вас не знают Бога» (1 Кор. 15, 34).

Он открывает им великую тайну о Себе, что Он в Отце и Отец в Нем. На всякую просьбу, обращенную к Отцу во имя Его, они получат ответ. Любовь к Нему они могут доказать людям только исполнением Его заповедей. «Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим, и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам. И Отец Мой возлюбит его, и мы придем к нему и обитель у него сотворим. Нелюбящий Меня не соблюдает слов Моих».

«Не оставлю вас сиротами; приду к вам». И Он говорит им об Утешителе — Духе Истины, Которого пошлет к ним вместо Себя. Он — Дух Истины будет постоянно пребывать с ними, но и в них. Он научит их всему и напомнит все, что говорил им Иисус, находясь с ними на земле, и что часто было для них не совсем понятно.

Душевные волнения Учителя охватили и сердца Его учеников, и Он, чтобы успокоить их, сказал им: «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам. Да не смущается сердце ваше и да не устрашается. Уже немного Мне говорить с вами, ибо идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего. Встаньте, пойдем отсюда». После этих слов все встали с тем, чтобы покинуть горницу. Но божественный Учитель не хотел прервать Свою беседу на этом и продолжал говорить. Он сказал им замечательную притчу о виноградной лозе. Он — виноградная Лоза, Отец — Виноградарь, а мы, Его ученики, ветви на этой Лозе. Мы будем способны приносить плод в нашей христианской жизни только в том случае, если будем иметь тесную связь с Лозой, иначе мы не в состоянии принести плода, который ожидает от нас небесный Отец. Иисус предупреждает нас, что всякая бесплодная ветвь срезается, как ненужная. Всякий допущенный нами в сердце грех является преградой между нами и Хри-

стом; происходит разобщение; сок от Лозы в ветвь не поступает, и она постепенно засыхает.

«Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую вам. Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего». Если исполняем заповедь Христа, мы друзья Его. А когда мы становимся Его друзьями, тогда Он открывает нам все через Духа Святого. Друг открывает своему другу все, что он не может сказать другому.

Сколько раз Иисус в прощальной беседе с учениками повторяет слова: «Да любите друг друга». Он как бы усиленно призывает их к взаимной любви, предвидя недостаток ее в Своих последователях. Выше любви нет ничего, и апостол Павел подтверждает эту мысль в послании к Колоссянам: «Любовь... есть совокупность совершенства» (Кол. 3, 14). Любовь — совершенство.

Он заканчивает прощальную беседу словами: «Сам Отец любит вас, потому что вы возлюбили Меня и уверовали, что Я исшел от Бога. Вот наступает час, и настал уже, что вы рассеетесь каждый в свою сторону и Меня оставите одного; но Я не один, потому что Отец со Мною. Сие сказал Я вам, чтобы вы имели во Мне мир. В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир».

После этого Иисус заканчивает тайную вечерю с одиннадцатью апостолами молитвой. Он возвел очи Свои к небу и сказал: «Отче! Пришел час: прославь Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тебя, так как Ты дал Ему власть над всякою плотью, да всему, что Ты дал Ему, даст Он жизнь вечную; сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа. Я прославил Тебя на земле, совершил дело, которое Ты поручил Мне исполнить; и ныне прославь Меня Ты, Отче, у Тебя Самого славою, которую Я имел у Тебя прежде бытия мира. Я открыл имя Твое человекам, которых Ты дал Мне от мира; они были Твои, и Ты дал их Мне, и они сохранили слово Твое; ныне уразумели они, что все, что Ты дал Мне, от Тебя есть; ибо слова, которые Ты дал Мне, Я передал им, и они приняли и уразумели истинно, что Я исшел от Тебя, и уверовали, что Ты послал Меня.

Я о них молю... о тех, которых Ты дал Мне, потому что они Твои; и все Мое Твое, и Твое Мое; и Я прославился в них.

Я уже не в мире, но они в мире, а Я к Тебе иду, Отче святый! Соблюди их во имя Твое, тех, которых Ты Мне дал, чтобы они были едино, как и Мы. Когда Я был с ними в мире, Я соблюдал их во имя Твое; тех которых Ты дал Мне, Я сохранил, и никто из них не погиб, кроме сына погибели, да сбудется Писание. Ныне же Я к Тебе иду, и сие говорю в мире, чтобы они имели в себе радость Мою совершенную. Я передал им слово Твое, и мир возненавидел их, потому что они не от мира, как и Я не от мира. Не молю, чтобы Ты взял их из мира, но чтобы сохранил их от зла; они не от мира, как и Я не от мира.

Освяти их истиною Твоею: слово Твое есть истина.

Как Ты послал Меня в мир, так и Я послал их в мир; и за них Я посвящаю Себя, чтобы и они были освящены истиною. Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их; да будут все едино; как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в нас едино,— да уверует мир, что Ты послал Меня.

И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им: да будут едино, как Мы едино, Я в них, и Ты во Мне; да будут совершены во едино, и да познает мир, что Ты послал Меня и возлюбил их, как возлюбил Меня.

Отче! Которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою, которую Ты дал Мне, потому что возлюбил Меня прежде основания мира.

Отче Праведный! И мир Тебя не познал; а Я познал Тебя, и сии познали, что Ты послал Меня; и Я открыл им имя Твое и открою, да любовь, которую Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них».

Учитель был взволнован: позади Его была жизнь, впереди смерть. Он должен вскоре оставить друзей, Свою юную Церковь. Ему предстоит не только смерть, но и унижение, насмешки, поругание. Он будет распят, как обольститель народа, как богохульник. Его осудят по ложным обвинениям. В награду за бесконечную любовь к людям и доброту Он примет бесславие и позор.

Учитель со Своими учениками вышел из ярко освещенной горницы, и через городские ворота они вышли на дорогу, ведущую через гору Елеонскую к Вифании. Цель их пути была Гефсимания.

С. Г. Щепетов

ДОХРИСТИАНСКИЙ МИР

В центре истории человечества находится величайшее событие пришествия в мир Христа.

Все дохристианское развитие человечества концентрируется в конце концов в ожидании «Мессии» и в жажде Его пришествия (Аггей 2, 7).

Все послехристианское развитие человечества находится под сильнейшим влиянием Христа и Его учения.

Дохристианский мир Библия делит на два мира: мир языческий и мир иудейский (израильский).

1. ЯЗЫЧЕСКИЙ МИР

Великое множество так называемых языческих религий можно свести к одному существенному явлению: к поклонению и служению твари вместо Творца (Римл. 1, 22—25).

Эта характерная черта всех языческих религий объясняет низкий уровень нравственности всех языческих народов.

Римская империя, возникшая одновременно с христианством, объединив все народы тогдашнего мира в громадное единое государство, объединила и все религии этих народов в еще небывалую до этого времени «религиозную смесь» и прибавила к этой смеси религий еще особый культ — «культ императора» — поклонение живым и умершим императорам Рима.

Римская империя собственными руками подготовила путь для триумфального шествия христианства во все страны, входившие в ее состав.

Как же шла эта подготовка пути для христианства?

Объединив народы древнего мира, Рим приступил к строительству дорог и мостов, чтобы связать ими страны своего государства. Из Рима дороги прошли во все страны тогдашнего мира. В те времена можно было легко путешествовать по прекрасным дорогам в Испанию и Францию, к пирамидам Египта и к берегам Дуная. Эти дороги были каналами, по которым шли импульсы политические и культурные из единого центра — Рима. По этим дорогам двигались железные легионы римских воинов, чтобы держать в страхе и повиновении покоренные народы; по этим дорогам двигались представители римской власти, неся народам законы Рима; по этим дорогам шли торговые караваны, груженные товарами всех стран тогдашнего мира; по этим же дорогам двинулись вестники Христа, неся от города к городу весть Евангелия.

Народы Римской империи объединялись не только образцовыми дорогами. Греческий язык стал господствующим языком того времени, и благодаря этому Павел и другие проповедники Евангелия могли без помощи переводчиков проповедовать Христа языческому миру.

Объединение религиозных и философских систем послужило также попутным ветром для вестников Христа, поскольку это объединение, этот синкретизм ослабили религиозный и философский фанатизм языческого мира и, таким образом, облегчили евангелизацию его народов.

2. ИУДЕЙСКИЙ МИР

Иудеи дохристианского мира делились на иудеев Святой земли (Палестины) и на иудеев рассеяния (диаспоры).

Среди народов Римской империи иудеи занимали совершенно особое положение. Они тщательно хранили свои национальные особенности, свою веру в единого живого Бога и соблюдали поклонение Ему без всяких видимых изображений. И эту веру в единого, живого Бога они проповедовали всюду, где они поселялись.

а) Иудеи Палестины.

Северное — Израильское царство пало в 722 г. до Р. Х. под ударами ассирийского царя Салманассара IV.

Южное — Иудейское царство пало в 587 г. до Р. Х. под ударами вавилонского царя Навуходоносора.

Лишившись своей величайшей святыни — Иерусалимского храма, иудеи в вавилонском плену возвели в особую святыню *закон Моисеев*, в результате чего возникла особая партия *«законников»*, или *«книжников»*, которых до вавилонского плена у иудеев не было. Это были особо строгие знатоки и блюстители ветхозаветного закона.

В вавилонском же плену возникли так называемые *синагоги*, то есть дома для чтения Священного Писания и молитвы.

Это порождение вавилонского плена осталось в жизни иудейского народа и после освобождения из плена. Ни Ездра, ни Неемия, эти великие реставраторы иудейского образа жизни времен Моисея, не устранили синагог, которые существовали наряду с восстановленным храмом; они не устранили и книжников, которые стали существовать наряду с священниками и левитами.

В период между пророком Малахией и Иоанном Крестителем образовались в иудейском народе две известные религиозные партии: партия *саддукеев* и партия *фарисеев*.

Саддукеи впитали в себя много чуждых иудейскому народу иноземных влияний. Вдаваясь в политику, благодаря своим связям с царствующим домом в Иудее, они все более проникались светским духом, теряли веру во многое, во что верил их народ, как, например, в воскресение мертвых, загробную жизнь, существование ангелов. Саддукеи стали людьми, равнодушными к религии.

Фарисеи, наоборот, были полны религиозного фанатизма. Слово «фарисеи» означает «отделенные», и это название они получили от своих противников. Они с гордостью говорили о себе как об истинных иудеях. Они были строгими блюстителями закона. Народ относился к ним с уважением, но не мог исполнять всех их требований в отношении закона.

Духовное руководство иудейским народом находилось в руках *Синедриона* (Верховного Судилища), председателем которого был первосвященник. Согласно Книги Числа 11, 16, в состав Синедриона входили 70 старейшин (плюс первосвященник).

В центре иудейской мысли находилась надежда на скорое пришествие *Мессии*. С этой надеждой у большинства народа были связаны политические чаяния освобождения от иноземного ига.

Но были иудеи, которые ожидали Мессию, как освободителя от более тяжелого рабства — рабства греховного.

Ко времени рождения Христа существовало уже очень разветвленное иудейское рассеяние, но и оно, как и иудейство Палестины, хранило тщательно свою народность и ревностно проповедовало о пришествии Мессии.

Иудеи рассеяния имели большие привилегии: они могли иметь своих собственных начальников; Рим освобождал их от военной службы и от участия в официальном культе; они пользовались полной свободой своих богослужений.

Иудеев можно было встретить во всех странах, и трудно было бы найти такое место, где их не было. Но особенно много было их в Сирии и Египте. В Египте их было около миллиона. Самой большой иудейской колонией на западе был город Рим, где иудеев было около 10 тысяч.

Иудеи строили всюду для поклонения Богу синагоги. Вот эти синагоги и стали впоследствии, в дни апостола Павла, местами проповеди Евангелия и зародышами апостольских церквей.

Связь с Иерусалимом иудеи рассеяния поддерживали путем уплаты налогов на храм и через путешествия на большие иудейские праздники.

Иудеи рассеяния говорили на греческом языке и назывались *«еллинистами»*. Центром еллинизма был город *Александрия* в северной Африке.

Для иудеев-еллинистов потребовался перевод Ветхого Завета на греческий язык, и он был сделан в Александрии, на что потребовалось 36 лет. Так родилась известная «Септуагинта» — перевод 70 толковников.

Иудеи рассеяния создали *апокрифы* Ветхого Завета, то есть книги, которых нет в древнееврейской Библии, и включили их в Септуагинту, откуда они перешли и в латинскую Библию — Вульгату.

Иудеи рассеяния вели свою религиозную проповедь с большим успехом. Их проповедь оказывала сильное духовное влияние на язычников и приобретала большое количество *прозелитов*, то есть обращенцев из язычников.

Именно среди этих прозелитов проповедь Евангелия находила особенно благоприятную почву.

Великим фактом иудейского мира является то, что иудейство Палестины стало колыбелью христианства, а иудейство рассеяния (диаспоры) стало рассадником христианства.

А. В. К.

ПАСХАЛЬНЫЕ ПРИВЕТСТВИЯ ВСЕХБ

АМЕРИКАНСКАЯ БАПТИСТСКАЯ КОНВЕНЦИЯ
ОТДЕЛ ПО СВЯЗЯМ

Нью-Йорк, 16, США
8 апреля 1960 г.

Якову Жидкову
и
Александру Кареву

Дорогие братья и друзья! Замечательно, что рождение и воскресение Иисуса принесло нам добрые вести мира. Мы знаем, что последователи Иисуса Христа во всем мире молятся за мир, и я уверен, что любовь во Христе, которую мы выражаем по отношению друг к другу, приведет к миру. Нашим людям в учреждениях Нью-Йорка, верующим наших церквей и всей американской баптистской конвенции было приятно получить ваши пасхальные поздравления. Мы радуемся вашему счастью и радости во Христе и в свою очередь ощущаем в наших сердцах ту же радость счастья в Нем.

Некоторые из нас планируют поехать на Всемирный баптистский конгресс в Рио-де-Жанейро, Бразилия. Мы с великой надеждой смотрим на этот конгресс, потому что мы желаем такого повода для христианского общения с братьями и сестрами во Христе всего мира. Доктор ОРН только что возвратился из Южной Америки, где он помогал в устройстве Конгресса.

Пожалуйста, передайте всем нашим братьям и сестрам в церквах в СССР привет во имя нашего Господа Иисуса Христа.

В Нем
ДИН ГУДВИН (Директор)

АНГЛИКАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ
СОВЕТ ПО МЕЖЦЕРКОВНЫМ ОТНОШЕНИЯМ

Лондон, 28 апреля 1960 г.

Дорогой д-р Жидков! Архиепископ Кентерберийский, ввиду отсутствия пастора Саттертвайта, поручил мне поблагодарить Вас за пасхальное приветствие, которое Вы послали Его преосвященству от имени Всесоюзного Совета евангельских христиан-баптистов, и заверить Вас в его единстве с Вами в молитве, чтобы мир воскресшего Христа стал достоянием всего человечества.

Примите, пожалуйста, наилучшие пожелания Архиепископа и разрешите мне сказать, с каким счастьем вспоминается Ваш визит в Ламбет.

Искренне Ваш, *МАЙКЛ ГАЛЛИВЕЛЛ* — помощник генерального секретаря.

СООБЩЕНИЯ С МЕСТ

Старший пресвитер по Брянской области П. Ф. Дубинин сообщает:

«В апреле я посетил ряд общин: Унечскую, Клинцовскую и другие, в которых проводил беседы с пресвитерами организационного характера. Вновь избранному пресвитеру Унечской общины, брату *П. Х. Коваленко*, я дал необходимые советы и указания, за которые брат сердечно благодарил.

20 мая я выехал в Брянск в связи с переизбранием пресвитера. Пресвитером общины избран достойный брат *Иван Трофимович Прошин*.

В Бежицкой общине я имел беседу с пресвитером *В. Д. Левхиным* по многим вопросам духовного и организационного характера.

8 мая я посетил Супрягинскую общину, где совершили избрание диакона — молодого брата вместо его почившего отца. Пресвитером здесь трудится брат *Михаил Захарович Рыженков*, который, несмотря на преклонный возраст, еще трудится в колхозе.

Посетил также Почепскую и другие общины. Всюду было радостное общение с детьми Господними».

Старший пресвитер ВСЕХБ по Волынской области *Ф. О. Павлюк* сообщает:

«7 апреля я посетил общину в селе Ольговка, в которой пресвитером хорошо трудится брат *И. И. Шванц*. Община в здоровом духовном состоянии. После вечернего собрания я оставил членов совета для беседы, чтобы разрешить некоторые внутренние вопросы церкви.

На следующий день я поехал в село Скобелка, чтобы узнать, как там живут братья и сестры по вере, и убедился, что община, под руководством брата *С. А. Янюк*, духовно добрая, все дети Божии живут в мире и согласии.

16 апреля, через село Горохов, направился в общину села Козятин, где пресвитером благословенно трудится брат *И. Я. Павлюк*. Община имеет хороший молитвенный дом, в котором я присутствовал на благословенном пасхальном собрании. Всеми присутствующими с радостью были восприняты пасхальные приветствия ВСЕХБ и старшего пресвитера ВСЕХБ на Украине — брата *А. Л. Андреева*, которые зачитал пресвитер. Верующие возносили молитвы за любимую родину, за правительство и мир во всем мире».

Старший пресвитер ВСЕХБ по Крымской области *А. П. Мирошниченко* сообщает:

«Новогоднее праздничное собрание я провел, по просьбе верующих, в Симферопольской общине — одной из первых общин, возникших на южном побережье Черного моря. Торжественно был отпразднован этот день. Члены Симферопольской общины радовались тому, что они также имеют возможность участвовать в общем созидательном труде всего нашего народа.

27 и 28 февраля я провел в Ялтинской общине, где состоялось торжественное богослужение, посвященное утверждению достойного брата *П. С. Переяславского* на служение пресвитера Ялтинской общины. Да послужит это избрание ко благу Ялтинской церкви.

В мае месяце я посетил общины: Бахчисарайскую, Джанкойскую, Нижне-Горскую и другие.

В Азовской общине благословенно трудится пресвитером брат *П. М. Спицын*. Азовская община произвела ремонт молитвенного дома. Все братья и сестры с радостью трудятся для Господа. Члены общины выражали искреннюю радость и благодарность за мое посещение и преподанные им наставления».

Старший пресвитер ВСЕХБ по Курской области *М. И. Сорокин* сообщает:

«Члены Мальцевской общины, которую я посетил, живут в мире и любви друг ко другу. Пресвитером здесь трудится рукоположенный мною брат Ф. П. Карпенко. Община очень любит его.

20 февраля я посетил Самарскую общину (Курской области), где по просьбе верующих я совершил рукоположение на пресвитерское служение брата *А. С. Осадчего*.

Благословенно трудится и брат *Н. М. Волков* — пресвитер Дуровской общины.

В Колпаковской общине, которую я посетил 13 марта, пресвитером является брат *А. Д. Сорокин*. Члены церкви попросили меня рукоположить на служение дьякона брата *П. Е. Горбачева*. Я исполнил их просьбу. На утреннем собрании было совершено это рукоположение.

20 марта я посетил Стрем-Бобриковскую общину. Здесь в связи с болезнью брата *И. Т. Данильченко* пресвитером избран брат *Е. Т. Будяков*. Община в хорошем состоянии».

Из сообщений старшего пресвитера ВСЕХБ по Одесской области *М. С. Липового:*

«В апреле я посетил общины в селах: Косовка (пресвитер — *Г. Ф. Иванов*), Ярославка (пресвитер *С. П. Гутник*), Кривая-Балка и другие. Во всех этих общинах делился словом назидания и наставления, проводил беседы с руководящими братьями.

Особенно приятное впечатление осталось от посещения Белградской общины, где пресвитером благословенно трудится брат *К. Г. Сибоглов*, уважаемый всеми верующими. Община в хорошем духовном состоянии.

Хорошим работником на ниве Божией является также и пресвитер общины села Каменское — *П. А. Петренко*, под руководством которого община живет здоровой духовной жизнью.

В общине села Димитровка пресвитером является брат *П. Н. Турлак*, вполне соответствующий своему назначению. Община духовно бодрая. При посещении руководству общины были даны соответствующие указания и разъяснения по организационным вопросам.

В хорошем состоянии находятся также общины сел: Основа (пресвитер *П. В. Рыбалка*), Усатово (пресвитер *О. А. Полемарчук*) и другие.

С большими благословениями трудится пресвитер Одесской общины *Н. В. Кузьменко*, которого очень любят верующие. Община на высоком духовном уровне. При посещении я имел беседу с братским советом по вопросу о проповедующих и другим вопросам церковной жизни.

В мае месяце я посетил ряд общин в пригороде Одессы. В селе Ильинка хорошо трудится брат *М. А. Солоденко*, который является исполняющим обязанности пресвитера. При посещении я провел беседу с братским советом по назревшим вопросам.

Кроме того, мной были посещены общины сел: Подгорное, Заря, Татарбунары, Матроска и другие».

Хор общины г. Брянска

Старший пресвитер ВСЕХБ *Б. А. Русанов* сообщает:

«Почти весь февраль я находился в общине г. Орджоникидзе. Основной национальный состав верующих — русские и осетины. Состояние общины хорошее. Верующие ревностно посещают богослужения, чтобы получить духовное назидание и наставление из Слова Божия. Имеется большой хор, который искренне и с радостью совершает свое служение пением. Все руководство общины стремится к единству и занято наставлением из Слова Божьего. Еженедельно, по пятницам, совет общины имеет совещание по всем назревающим за неделю вопросам.

Руководство и все члены общины благодарны правительству и городским властям за предоставленный им в бессрочное и бесплатное пользование хороший молитвенный дом, который отвечает всем запросам верующих.

21 и 27 февраля я посетил Грозненскую общину. Пресвитером в ней является брат *Н. А. Корецкий*, который вполне соответствует своему призванию. Все верующие благодарят за него Бога. Молитвенный дом — в хорошем состоянии.

Во время моего пребывания после богослужения пресвитером и председателем Ревизионной комиссии был зачитан годовой отчет о поступлении средств и их расходовании.

Из Грозного мне представилась возможность вместе с пресвитером *Н. А. Корецким* посетить верующих в г. Гудермесе и иметь с ними беседу. Кроме того, мы посетили верующих в станицах Каргалинской и Троицкой».

Старший пресвитер ВСЕХБ по Харьковской области *П. А. Парчевский* сообщает:

«В феврале мною посещены несколько общин: Ольшанская, Липецкая, Лозовская и другие.

В Сахновщанской общине верующие живут здоровой духовной жизнью. Некоторые недоразумения, которые в прошлом имели место между братьями, теперь устранены. Руководящий брат *К. И. Таран* соответствует своему служению.

Пресвитером Лозовской общины до сих пор трудился безупречный христианин, но слабый физически (по причине глубокой старости) брат *И. П. Бондаренко*, который подал заявление о его замене. Вместо него пресвитером был избран также достойный брат *Д. В. Колобок*, рукоположенный в прошлом на служение дьякона. Господь благословил это избрание.

К радости всей церкви я посетил также и Печенежскую общину, в которой благословенно и с любовью совершает служение брат *Н. С. Стадник*. Несмотря на свой преклонный возраст, брат ревнует о деле Господнем. При посещении я дал брату несколько добрых советов. Духовно община вполне здоровая.

В Змиевской общине, которую я посетил 7 мая, пресвитером трудится *Ф. Н. Рудинский*, который вполне соответствует своему служению. Находясь в этой общине, я провел несколько бесед с руководящими работниками общины, разъяснив им обязанности пресвитера и каждого работника, так как в общине имелись факты нарушения церковной дисциплины.

В этом месяце я посетил также Андреевскую общину (пресвитер *П. Я. Чеснюк*) и Яснополянскую (пресвитер *П. С. Гирич*). Верующие этих общин были рады моему приезду».

Старший пресвитер ВСЕХБ по Черниговской области *В. К. Щавлинский* сообщает:

«В Радомской общине, которую я посетил в феврале, появилась нужда в новом пресвитере, так как бывший пресвитер, благословен-

ный служитель *Л. И. Пивовар*, выехал на другое местожительство — в Новую Каховку. Состояние общины удовлетворительное.

Пресвитер Бакаевской общины *П. П. Кот*, чувствуя себя слабым, подал заявление с просьбой освободить его от обязанностей пресвитера, которую община удовлетворила. На его место был избран достойный брат — *Т. М. Бережняк*, который до сего времени нес служение дьякона церкви.

В Бахмачской общине я совершил рукоположение на пресвитерское служение брата *И. Е. Хижняка*, который хорошо трудился в данной общине как временный пресвитер. Собрание прошло с большим благословением.

В апреле я посетил также ряд общин, в том числе Хлопяницкую, Лавскую и другие. Пресвитером Лавской общины хорошо работает брат *Н. С. Мерный*. При моем посещении я совершил его рукоположение.

В Грабовской общине вместо прежнего пресвитера *А. С. Свистуна* избран более опытный брат *И. М. Кузьменко*. Состояние общины хорошее.

СОДЕРЖАНИЕ

Мир 3

Поездка в ГДР на Конференцию в защиту мира в Дрездене — *А. И. Мицкевич* . 5

Евангелие от Марка (главы 2—4). — *Е. М.* 8

Первое благовестническое путешествие апостола Павла. — *Р. К* 18

Экзегетический разбор Евангелия от Иоанна (главы 4—6). — *А. В. К.* 28

Исповедание Петра и Преображение Христа. — *Р. К.* 41

Образы Церкви Христа — *А. В. Карев* 50

Тайная вечеря. — *С. Г. Щепетов* 63

Дохристианский мир — *А. В. К.* 70

Пасхальные приветствия ВСЕХБ

Американская баптистская конвенция. Отдел по связям 73

Англиканская Церковь. Совет по межцерковным отношениям 74

Сообщения с мест 75